

Кэролайн Линден
Больше чем страсть
Серия «Скандалы», книга 2

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9447510
Больше чем страсть: АСТ; М.; 2015
ISBN 978-5-17-082964-4

Аннотация

Вернувшийся с войны Себастьян Вейн потерял все: отец сошел с ума, семейное состояние утрачено, репутация погибла. Какая девушка в здравом уме согласится стать его женой? Уж конечно, не богатейшая наследница Абигайль Уэстон, предмет мечтаний всех холостых аристократов!..

Однако порой любовь творит чудеса, и Абигайль, в глубине души презирающая великосветских охотников за приданым, вскоре понимает, что встретила наконец мужчину, которому нужна лишь она – прекрасная, юная, своенравная, острая на язык. Но достанет ли Абигайль мужества пойти наперекор мнению света, чтобы связать свою жизнь с тем, кто страстно ее любит?..

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	46
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Кэролайн Линден

Больше чем страсть

© P. F. Belsley, 2014

© Перевод. Л. В. Сазонова, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Пролог

1816 год

Он проснулся с бешено бьющимся сердцем. Французы! Поблескивая в сумраке длинными дулами мушкетов, они перемахнули через укрепления и ринулись вперед в попытке выбить его батальон с занимаемых позиций. В ушах еще звенело от звука оглушительного выстрела, раздробившего его колено. Секунду он не двигался, тяжело дыша, в ожидании второго выстрела, который покончит со всем этим.

Но выстрел так и не нарушил тишину, и Себастьян Вейн запоздало осознал, что первого выстрела тоже не было – во всяком случае, сегодня. Он больше не в Бельгии, на поле битвы, где отчаянно пытается отбить атаку наполеоновских солдат, прорвавших оборону. Он дома, в Англии, дремлет в кресле у камина, вытянув к огню изувеченную ногу.

Себастьян устало откинулся на потертую кожу спинки кресла и смахнул дрожащей рукой пот со лба. Сердце его все еще лихорадочно колотилось. Здесь нет никаких французов, напомнил он себе, только кошмарные сны о них, навеванные лауданумом.

Глухой стук заставил его встрепнуться. Себастьян бросил взгляд на дверь, но она была закрыта. Звук повторился, словно где-то внизу захлопнулся замок.

Должно быть, экономка еще не легла. Миссис Джонс сбилась с ног, ухаживая за своим мужем, который слег в постель с простудой, да еще на нее возложены заботы о сумасшедшем и калеке. Бедняжка! Себастьян вытащил часы и обнаружил, что уже за полночь. Он проспал два часа и теперь чувствовал, что больше не заснет, что никуда не годилось.

Сначала ночь была относительно спокойной. Безумие его отца, казалось, несколько отступило, и Майкл Вейн стал больше похож на того человека, каким его помнил Себастьян, и меньше на безумца, которого он обнаружил, вернувшись с войны. За обедом отец проглотил немного еды, прежде чем резко отодвинуть тарелку, буркнув что-то об отравлении. Он не сопротивлялся, когда Себастьян помогал ему раздеться, только бормотал проклятия. А когда Себастьян уложил его в постель, заснул мирно, как ребенок, сжав в кулаке рваный лоскут ткани, который когда-то был ночной рубашкой матери Себастьяна. Эта ночная рубашка была прямо-таки даром небес, с ней Майкл становился более спокойным и управляемым.

Конечно – тихий, покорный, вцепившийся в старую ночную рубашку, – это был не тот отец, какого помнил Себастьян. И все же подобное поведение было намного лучше, чем буйное помешательство, в которое часто впадал Майкл Вейн. Себастьян пошевелился в кресле, пытаясь выпрямить ногу, не потревожив рану. Накануне отец лягнул его в колено, и края шрама разошлись, причинив такую боль, что Себастьян чуть не потерял сознание. Миссис Джонс дала ему лауданума. Отвратительное зелье! Он почти отвык от него и теперь досадовал, что пришлось снова прибегнуть к помощи лекарства.

За окном завывал ветер, заставляя дребезжать стекла. Внизу опять хлопнула дверь, на этот раз сильнее. Себастьян, нахмурившись, поднял голову. Судя по звуку, это была массивная входная дверь.

– Миссис Джонс, – позвал он. Может, она выходила наружу и забыла задвинуть засов, когда вернулась? Ответа не последовало, только снова раздался стук, хотя и чуть тише. Наверное, экономка уже легла и не слышит этих звуков из своей комнаты позади кухни.

Себастьян вздохнул. Можно позвонить и разбудить ее, но он все равно не заснет в ближайшее время. И потом, разве он не хочет снова стать независимым? Взявшись за левую ногу, он осторожно поставил ее на пол, а затем рывком поднялся, слегка покачиваясь, пока не оперся на трость.

В коридоре было темно, только со стороны лестницы струился слабый свет. Когда Себастьян добрался до верхней ступеньки, снизу снова донесся громкий стук вместе с порывом холодного воздуха. Чередуя тяжкие вздохи с проклятиями, Себастьян кое-как спустился по ступенькам и обнаружил, что входная дверь – незапертая, как он и подозревал, – медленно приоткрывается от ветра.

Озадаченный, Себастьян поспешил вперед и придержал дверь, упершись плечом в дверную раму. Тяжелый засов, который должен был удерживать ее в закрытом состоянии, валялся на пороге. Обычно он вставлялся в пазы, запирая дверь изнутри. Но сейчас все выглядело так, словно кто-то вынул его и просто уронил.

На затылке Себастьяна шевельнулись волосы... В доме был только один человек, способный на подобный поступок... Но Майкл Вейн был надежно заперт в своей комнате наверху. Себастьян сам делал это каждый вечер – для блага больного.

Он распахнул дверь и выглянул наружу. В вышине висел узкий серп луны, холодный ветер трепал кустарник и раскачивал ветви деревьев. Но небо было ясным, а лунный свет достаточно ярким, дабы убедиться, что поблизости никого нет. Себастьян покачал головой. Должно быть, это была экономка, вконец утомленная работой по дому. Себастьян закрыл дверь и вставил засов на место, прежде чем вернуться, ковыляя, в свою комнату.

Но едва он расположился в кресле, как снизу снова донесся стук. На этот раз стучала не сама дверь, а кто-то колотил в нее со всей силы.

– Вейн! – послышался знакомый голос, перекрывая завывание ветра. – Проснись, черт бы тебя побрал!

Стук не прекращался ни на секунду, пока Себастьян спускался вниз, проклиная все на свете. Его колено горело. Не успел он вытащить засов, как дверь распахнулась и посетитель ввалился внутрь.

– Где она? – требовательно спросил Бенедикт Леннокс. – Если ты посмел коснуться...

– Кто?

– Саманта, – отрывисто выпалил Бенедикт.

Брови Себастьяна взлетели вверх:

– С какой стати твоя сестра должна находиться здесь, да еще посреди ночи? Ей всего лишь шестнадцать...

– Именно в этом возрасте можно совершить такой идиотский поступок! – огрызнулся Бенедикт, понизив голос. – Вейн, если ты признаешь, что она здесь, я заберу ее домой, не задавая лишних вопросов. Никому еще не известно, что она пропала...

Губы Себастьяна сжались в узкую линию.

– Ее здесь нет.

Бенедикт свирепо уставился на него:

– Ты уверен? Она заявила, что влюблена в тебя чуть ли не с пеленок.

– Детское увлечение, – небрежно отозвался Себастьян.

– Да, но девушку в ее годы и с ее характером – порывистым и упрямым, легко убедить довериться...

Он резко остановился, но Себастьян мог и сам закончить фразу: «сыну безумца, искалеченному и нищему».

– Ты мне льстишь, – произнес он ровным тоном. – Не думаю, что мое обаяние настолько велико, чтобы убедить дочь графа связаться со мной, хромым калекой, находящимся на грани разорения.

В глазах Бенедикта сверкнула ярость.

– Тебе прекрасно известно, что она сбежала бы с тобой, только попроси, – прорычал он.

– Но я не просил, – уточнил Себастьян.

Однако это не остановило Бенедикта, который уже двинулся по коридору, открывая одну дверь за другой. Себастьян в немом бессилии наблюдал за ним. Для него не было секретом, что Саманта вообразила, будто влюблена в него, но это была детская влюбленность. И даже если нет, ей следовало бы знать, что ее отец, граф Стрэтфорд, никогда не позволит ей выйти замуж за сына безумного Майкла Вейна. Ее семья оповестила всех знакомых, что подобная партия совершенно немыслима. И это превращало увлечение Саманты, когда-то забавное и лестное для Себастьяна, в еще один источник унижения для Себастьяна.

А теперь брат Саманты, который когда-то был самым близким другом Себастьяна, считает, что он вынашивает планы побега с его сестрой. Себастьян доковылял до подножия лестницы и прислонился к столбику перил, ожидая, пока Бенедикт закончит осмотр дома, который тот знал как свои пять пальцев. В детстве он практически жил здесь, сбегая от строгой атмосферы Стрэтфорд-Корта в Монтроуз-Хилл, с его привольными лесами и холмами. Тогда появление Бенедикта посреди ночи привело бы Себастьяна в восторг, и они оба удрали бы потихоньку в лес в поисках приключений.

Но это время давно миновало.

Бенедикт вернулся в холл, еще более мрачный, чем раньше.

– Я поднимусь наверх, – сообщил он.

– Едва ли я могу остановить тебя, – буркнул Себастьян себе под нос, последовав за незванным гостем, который уже шагал по лестнице.

Когда Вейн добрался до лестничной площадки, Бенедикт уже открыл первую дверь. Помедлив при виде пузырька с лауданумом на каминной полке, он бросил на Себастьяна настороженный взгляд, казалось, впервые заметив его перевязанную ногу, трость и халат.

– Ты мог бы помочь мне, – заявил он более спокойным тоном.

– Саманты здесь нет. – Себастьян навалился на трость, утомившись от хождений вверх и вниз по лестнице. – Буду я тебе помогать или нет, ты не найдешь ее в моем доме.

Бенедикт сдвинул брови и зашагал дальше, заглядывая во все комнаты. Они оказались пустыми, даже кладовка для белья. Вещи, когда-то находившиеся в них, были проданы. Себастьян молча наблюдал за бывшим приятелем, пока тот не добрался до конца коридора.

– Это комната моего отца, – сказал он, когда Бенедикт взялся за дверную ручку. – Она заперта.

Но он ошибся. Дверь слегка приоткрылась.

Бенедикт с удивлением во взгляде оглянулся на Себастьяна. Несколько мгновений тот потрясенно взирал на дверь, затем неуклюже поспешил вперед, припадая на раненую ногу. Ключ висел на своем обычном месте, на стене рядом с дверью – на случай пожара. Себастьян не сомневался, что запер замок несколько часов назад. И тем не менее дверь, тихо скрипнув, отворилась, когда Бенедикт толкнул ее.

В комнате царила крошечная тьма. С тех пор как Майкл Вейн чуть не сжег себя заживо, в его спальне не разрешалось ни зажигать лампу, ни разводить огонь. Себастьян проковылял к окну и распахнул ставни. При виде железной решетки, слишком частой, чтобы просунуть через нее даже руку, Бенедикт потрясенно ахнул, но Себастьян даже не взглянул на бывшего друга. Его глаза были прикованы к постели.

Пустой.

Он схватил Бенедикта за лацканы:

– Ты зачем приехал?

– Чтобы... чтобы найти сестру, – отозвался тот с растерянным видом.

– Какого дьявола ты решил, что она здесь? – требовательно спросил Себастьян.

Бенедикт тупо уставился на него:

– Потому что она заявила, что ничто не удержит ее от брака с тобой.

Себастьян снова выругался.

– Если Саманту не удержит ее отец – что маловероятно, – это сделаю я, – мрачно произнес он, стукнув костылем по полу в подтверждение своей решимости. – Но с чего ты взял, что сегодня вечером она может быть здесь?

– Я... Она пропала, – сказал Бенедикт, похоже, осознав, что поспешил с выводами. – Я не мог найти ее...

– Твоей сестры здесь нет. И никогда не было. – Себастьян двинулся к выходу из комнаты, тяжело налегая на трость. – А теперь нет и моего отца. – Его мозги все еще туманились от лауданума. Проклятие, должно быть, он забыл запереть комнату больного! Сколько времени прошло с того момента, как Майкл сбежал? Учитывая мрак и холод, нужно срочно разыскать его.

Себастьян направился к лестнице, слыша, как за его спиной Бенедикт хлопает дверьми, проверяя оставшиеся комнаты. Себастьян уже надел шляпу и плащ, когда Бенедикт наконец присоединился к нему в холле.

– Где же она может быть? – поинтересовался Леннокс, лишь слегка обескураженный.

– Не имею понятия. В конце концов, это твоя сестра, – отозвался Себастьян, распахнув парадную дверь. – Отправляйся домой, Бен. Наверное, она пошла в библиотеку за книгой или на кухню за теплым молоком.

Бенедикт скорчил гримасу, но в его глазах блеснула искренняя тревога:

– Я заглядывал туда. Я обыскал весь дом. Говорю тебе, она исчезла! И если ты...

Себастьян пожал плечами. Он был привязан к Саманте... как мог быть привязан брат или кузен. С ее расцветающей красотой, положением и богатством она могла сделать гораздо лучшую партию. Кто он – изувеченный на войне инвалид, чей отец довел свое поместье до упадка, возмнив, что его преследует дьявол! Себастьян сам сказал Саманте, что из него не получится хорошего мужа. Он всего лишь хотел дать ей понять, по возможности мягко, что ее чувства к нему безответны. Он нужен дома, чтобы заботиться об отце. И вот теперь выясняется, что он не преуспел даже в этом.

– Почему окна наверху забраны решетками?

Себастьян приподнял брови в ответ на вопрос Бенедикта, заданный с некоторым колебанием в голосе.

– Потому что он сошел с ума, разве ты не слышал? Он представляет опасность для самого себя. Приходится запираť его каждый вечер, чтобы ничего с ним не случилось.

Бенедикт бросил взгляд в сторону лестницы:

– Но дверь не была заперта. Возможно, Саманта...

– Переплыла в темноте через реку, взобралась на холм, проникла в дом, отперла дверь, а затем скрылась, оставшись никем не замеченной? – закончил Себастьян за него. – Как ты себе это представляешь? И что это ей даст в любом случае? – Он покачал головой, сражаясь с пуговицами плаща и проклиная лауданум, сделавший его сегодня вечером таким неуклюжим – и таким забывчивым.

– Ничего, – пробормотал Бенедикт. – Даже если она думает... То есть я хотел сказать... – Он осекся, не произнеся вслух того, что оба молодых человека прекрасно знали, и покраснел.

– Что даже если он умрет, это ничего не изменит? – Себастьян устремил на бывшего друга жесткий взгляд. – Советую тебе отправиться домой и поискать свою сестру там.

Бенедикт помедлил, не зная, как поступить, затем коротко кивнул и вышел из дома. Отвязав свою лошадь, он одним гибким движением, вызвавшим у Себастьяна укол зависти, вскочил в седло и сжал коленями бока коня, заставив его развернуться.

– Желаю удачи, – произнес он после короткой заминки.

Себастьян кивнул:

– Тебе тоже.

Бенедикт исчез в ночи. Себастьян проводил его задумчивым взглядом. Потребуется около часа, чтобы доехать до Стрэтфорд-Корта. Бенедикту придется миновать Ричмонд и разбудить паромщика, если только он не заплатил ему заранее, чтобы тот ждал у переправы. К тому моменту, когда Бенедикт доберется до дома, он продрогнет до костей и устанет до полусмерти – что само по себе свидетельствует, как сильно он опасается, что Саманта сбежит с Себастьяном. Еще одно доказательство, что их дружба безвозвратно закончилась.

Себастьян бросил тоскливый взгляд в сторону конюшни, сожалея, что у него нет лошади. Насколько легче было бы искать отца верхом, особенно в лесу! Если, конечно, удастся забраться в седло. Из-за раздробленного колена это превратилось в пытку, а из-за безумия отца у Вейнов не осталось лошадей.

Себастьян вернулся в дом и разбудил Джонсов, не зная, что ответить на их встревоженные вопросы о том, как мистер Вейн выбрался из своей комнаты. Когда торопливый обыск дома и конюшен закончился ничем, Себастьян направился в лес.

Ковыляя по извилистой тропинке, он вспомнил собственные слова, сказанные Бенедикту. «Даже если он умрет, это ничего не изменит». Не совсем так. Если отец умрет, Себастьяну не придется спать в кресле, в полной готовности действовать, когда у Майкла начнется очередной приступ. Он больше не будет страдать от ушибов, удерживая отца, чтобы тот не причинил вред другим людям. Ему не придется смотреть, как его некогда разумный и практичный родитель превращается в жалкую пародию на самого себя, грязное, безумное, терзаемое демонами существо. Во многих отношениях смерть Майкла Вейна явилась бы актом милосердия для него самого и его близких.

Но это не сделало бы Себастьяна более выгодным женихом. Саманта знает это не хуже остальных. Бенедикт найдет сестру дома, в целости и сохранности, и будет чувствовать себя последним болваном из-за своего поспешного визита в Монтроуз-Хилл. На мгновение Себастьян задался вопросом, не извинится ли бывший друг за свои подозрения, но потом отбросил эту мысль. Вряд ли. К тому же, если бы не появление Бенедикта, он до самого утра не узнал бы, что отец исчез. Пожалуй, следует поблагодарить Бенедикта за его вторжение. Вздохнув, Себастьян приподнял фонарь выше и попытался сообразить, куда мог отправиться отец.

На рассвете мистер Джонс нашел Себастьяна, полуживого от усталости, и привел домой, чтобы тот поспал хоть несколько часов. Вместе они обшарили луг и обследовали пруд – упражнение, которое снова уложило мистера Джонса в постель с простудой и кашлем.

Днем прибыли два письма. Одно от Бенедикта, с извинениями за беспокойство. Саманта действительно оказалась дома, в безопасности. Другое письмо было от самой Саманты, где она настойчиво просила Себастьяна навестить ее. Видимо, Бенедикт рассказал ей, что случилось, и она тоже хотела извиниться. Себастьян надеялся, что этим она и ограничится. Чем скорее Саманта направит свои чувства на кого-нибудь другого, тем будет лучше для всех. Он бросил оба письма в огонь.

Но Майкл Вейн пропал бесследно, и, вместо того чтобы принести облегчение, исчезновение его только ухудшило положение Себастьяна, причем весьма существенно.

Глава 1

1822 год

Ричмонд-на-Темзе

– Ну, дорогая, что скажешь?

Томас Уэстон стоял посередине парадного холла, раскинув руки и улыбаясь до ушей.

– А что не так в лондонском доме? – поинтересовалась миссис Уэстон, бросив мрачный взгляд на пылинки, кружившие в солнечных лучах, лившихся через распахнутую дверь и высокие окна. Агент по недвижимости, который привел их сюда, чтобы посмотреть дом, деликатно ждал снаружи.

– Лондон – это Лондон! Загородное поместье придает мужчине вес и делает его джентльменом.

– А также пробивает брешь в его финансах и побуждает тратить еще больше на ремонт, обстановку и приемы. – Миссис Уэстон запрокинула голову. – Лепнина уже потрескалась. Ты разоришься за год, приводя этот дом в порядок.

– Подумаешь, крохотная трещинка, – отмахнулся Томас. – Дом в отличном состоянии, моя дорогая! К тому же он на расстоянии дневной поездки от Лондона, так что ты сможешь кататься туда и обратно, сколько пожелаешь. Тебе не грозит разлука с портнихами, модистками и всей этой дамской чепухой, на которую ты совсем не против тратить мои финансы.

– Новая шляпка не идет ни в какое сравнение со стоимостью нового дома, – кисло отозвалась супруга. – Не говоря уже о мебелировке, прислуге и садовниках.

Мистер Уэстон уперся кулаками в бока и вздохнул.

– Но представь, какие вечеринки ты сможешь закатывать здесь, разодетая в наряды с Бонд-стрит, – произнес он льстивым тоном. – Миссис Уэстон из Харт-Хауса! Не сомневаюсь, это будет самое завидное приглашение во всем Ричмонде. И подумай о девочках! Представь своих дочерей, скользящих по этим лестницам в великолепных платьях, танцующих с окрестными джентльменами, завязывающими дружбу с девушками из благородных семейств. – Томас обнял жену за талию и увлек в самый центр холла. – Только вообрази: мы с тобой стоим здесь, приветствуя гостей из местного дворянства и аристократии. Милорд, миледи. – Уэстон отвесил глубокий поклон воображаемой паре. – Какая честь, что вы посетили наш скромный дом. Позвольте представить вам мою жену. – Бросив на супругу исполненный надежды взгляд, он схватил ее руку и поднес к губам. Миссис Уэстон сдержала улыбку. Ободренный, Томас продолжил: – О да, милорд, это самая красивая дама во всем Суррее и самая любезная хозяйка. Действительно, миледи, ее платье сшито по самой последней моде. Уверен, она будет счастлива порекомендовать вам свою портниху. – Миссис Уэстон закатила глаза, забавляясь представлением, устроенным мужем.

Стоя наверху изогнутой лестницы, одна из дочерей, Пенелопа Уэстон, склонилась к старшей сестре. Они только что осмотрели комнаты на втором этаже и теперь наблюдали за сценкой, разыгрывавшейся внизу.

– Тебе не кажется, что папа чуточку переигрывает?

– Подожди минутку, – ответила Абигаиль вполголоса. – Сейчас начнется...

Словно услышав ее реплику, отец прижал ладонь к сердцу:

– И вы должны познакомиться с моими дочерьми! Уверен, вам никогда не приходилось встречать более милых девушек, причем таких же красивых, как их матушка. Что вы сказали? У вас есть неженатый сын и наследник? Молодой джентльмен, который ищет невесту? Из уважаемой семьи, имеющей собственность в Лондоне и Ричмонде?

– Готово, – произнесла Абигайль с лукавой улыбкой. Пенелопа только фыркнула в ответ.

– Хватит, Томас! – Миссис Уэстон рассмеялась, шлепнув мужа по руке. – Это просто смешно. Как будто покупка дома гарантирует удачное замужество наших дочерей!

– Но и не повредит, не так ли? – отозвался он с победной улыбкой. – Ну же, Клара, что скажешь? Прекрасный дом, правда?

– Да, – согласилась она. – Великолепный! И, наверное, стоит целое состояние. Сколько времени ты собираешься проводить в этой глуши?

– В глуши! – Он всплеснул руками. – Лондон в десяти милях!

– Мы привыкли к городу, – настаивала миссис Уэстон. – Нам там удобно. Ты не представляешь, как хлопотно паковать вещи и переезжать в другой дом, пусть даже отстоящий на десять миль.

– Но как только мы устроимся здесь, это покажется пустяком. Мы можем путешествовать по реке. Я куплю корабль с десятью египтянами, чтобы возить тебя взад-вперед, как современную Клеопатру. – Мистер Уэстон подался ближе: – Как еще убедить тебя, любовь моя?

Супруга одарила его суровым взглядом:

– Мы оба знаем, что на самом деле ты не нуждаешься в моем одобрении. Признайся, ты его уже купил. Не так ли?

– Но мне все же хочется, чтобы ты была довольна, – заявил мистер Уэстон, даже не потрудившись опровергнуть догадку жены.

Абигайль подавила смехок. Как это похоже на отца! Итак, здесь будет их загородный дом. Она огляделась по сторонам. Здание и в самом деле очаровательное. Мама смирится, когда придет время выбирать ковры и мебель, если папе не удастся уговорить ее раньше. Обычно это ему удавалось.

– Пойду выберу себе комнату, – шепнула Пенелопа. – Как можно дальше от маминой. – Она исчезла в коридоре, ведущем к спальням.

Абигайль спустилась по лестнице, миновала холл, где все еще препирались родители – мать продолжала изображать недовольство, а отец продолжал ее уговаривать, – и вышла на гравийную подъездную аллею. Снаружи особняк не казался огромным, радуя глаз четкими пропорциями и изящными линиями. Окружающий пейзаж был мирным и красивым, а воздух определенно чище, чем в городе. Да, мама смирится. Через год она, возможно, будет предпочитать поместье их дому на Гросвенор-сквер.

Из-за угла показался Джеймс, брат Абигайль и Пенелопы. Абигайль предположила, что он осматривал конюшни.

– Ну как тебе дом, Эбби?

– Папа уже купил его.

Джеймс кивнул, щурясь на солнце.

– Знаю.

– Что? – воскликнула она. – Ты узнал раньше, чем мама?

Губы брата тронула слабая улыбка.

– Если бы он сказал ей до того, как купил дом, она могла бы его отговорить, не так ли?

– Это нечестно!

Джеймс рассмеялся:

– Полагаю, в любви все честно. Отец давно настроился на приобретение загородной резиденции, а эта вполне подходящая. Дом в отличном состоянии и не требует ничего, кроме обустройства и незначительных усовершенствований. Местоположение идеальное, мама оценит его, когда начнет устраивать пикники и прогулки на лодках. Да и цена разумная.

Абигайль покачала головой:

– Папа сейчас в холле, убеждает маму, что благодаря этому дому у нас с Пен появится возможность познакомиться с титулованными джентльменами.

– Вполне возможно. Здесь неподалеку родовое гнездо графа Стрэтфорда и еще дюжина загородных вилл и поместий, куда съезжается знатная публика, чтобы плотннуть свежего воздуха.

– Граф Стрэтфорд! – фыркнула Абигаиль. – Ты такой же фантазер, как папа.

– Я же не говорю, что кто-нибудь из местных аристократов женится на вас, – уточнил Джеймс. – Просто у вас будет шанс встретиться с ними – какими бы жирными, престарелыми, подагрическими и похотливыми они ни оказались. К тому же граф Стрэтфорд папиного возраста и уже женат. У него есть сын, но, насколько мне известно, он в армии. Так что вам с Пен не повезло. Хотя, возможно, маркиз Дорр, которому принадлежит Пентон-Лодж под Кью, приедет с сыновьями. Правда, по слухам, среднего следует остерегаться.

– Откуда ты все это знаешь?

Джеймс пожал плечами:

– Просто интересуюсь. А ты разве нет?

Абигаиль прикусила губу. Она действительно не чуралась сплетен о джентльменах, и не только титулованных. Тем не менее она даже не слышала о среднем сыне маркиза Дорра. Что такого он сделал, что его надо остерегаться?

– Пожалуй, теперь, когда у нас появилась загородная недвижимость, ты тоже сможешь познакомиться с девушкой из благородного семейства. Собственно, учитывая, что этот дом в один прекрасный день станет твоим, куда более вероятно, что именно ты обзаведешься невестой.

Губы Джеймса иронически изогнулись:

– Я безнадежен, разве ты не знаешь? Пенелопа сама мне это сказала.

– Она сказала, что ты скучен и лишен воображения и никто не захочет выходить замуж за такого зануду, – возразила Абигаиль с лукавой усмешкой. – Лично я думаю, что скорее ты женишься на благородной девице, чем какой-нибудь виконт или граф, возникший из ниоткуда, сделает предложение мне или Пен.

– Только не ставь на это деньги, которые тебе выдают на булавки, – коротко отозвался Джеймс.

Абигаиль рассмеялась.

– Не поставлю, можешь мне поверить. Неужели я не усвоила за все эти годы, что ты обычно выигрываешь? – Они зашагали по дорожке к ухоженной лужайке с видом на реку. Дом располагался на вершине холма, полого спускавшегося к воде, и Абигаиль предположила, что отсюда можно добраться на веслах до самого центра Лондона. Даже если мама не привыкнет к этому месту, ей самой здесь определенно нравится.

Тем не менее мотивы отца представлялись ей несколько наивными.

– Родители не могут не понимать, что мы люди совсем иного круга, – задумчиво произнесла она и добавила, сделав неопределенный жест рукой: – Аристократы! Все они смотрят на нас как на разбогатевших торговцев.

Джеймс, глядя на сверкающую гладь реки, покачал головой:

– Случалось, что благородные джентльмены женились на актрисах. На любовницах. Американках. Вероятно, есть и такие, что сватались к судомойкам. Так что рассчитывать, что хорошенькая девушка с солидным приданым может заарканить лорда, не такая уж большая натяжка. Они не слишком сопротивляются, когда им предлагают крупную сумму.

– Может заарканить, – повторила Абигаиль с нажимом на первом слове. – Но совсем не обязательно. И потом, что, если мне не понравится ни один из тех, кто готов снизойти до меня? Мама выбрала скромного сына адвоката и, похоже, вполне счастлива. Пожалуй, мне предназначено стать женой мясника.

– Брак твоей подруги пробудил в тебе надежды на большее, – сказал Джеймс, бросив на нее взгляд искоса. – Не говоря уже о надеждах нашего отца.

Абигайль скорчила гримаску. Ее близкая подруга, Джоан Беннетт, которую лондонские джентльмены игнорировали точно так же, как Абигайль и Пенелопу, вдруг вышла замуж за самого завидного и неуловимого холостяка в Лондоне, виконта Берка. Определенно, это событие застигло всех врасплох, включая саму Джоан, если ей можно верить, но мистер и миссис Уэстоны пришли в восторг от этой новости.

– А ведь все началось ужасно, – напомнила Абигайль брату. – Джоан вначале буквально ненавидела виконта, а он издевался над ней с первого дня знакомства.

– Издевался? – Джеймс приподнял брови. – Помню, ходили жуткие истории, будто он танцевал с ней и даже взял ее покататься на воздушном шаре. Дорогая сестричка, если какой-нибудь богатый виконт начнет издеваться над тобой подобным образом, сразу дай мне знать. Я понесусь в ближайшую букмекерскую контору и поставлю все свое состояние на то, что этот парень женится на тебе еще до конца года!

– Перестань. – Абигайль скорчила гримаску. – Понятно, что спустя некоторое время отношение виконта к Джоан изменилось. Но даже если так, отец Джоан – баронет, а дядя – граф Донкастер. У нее есть связи в высшем обществе, в отличие от нас.

– Успокойся, Эбби. – Брат одарил ее одной из своих лукавых ухмылок. – Уверен, мясник будет дорожить тобой как зеницей ока!

– Да уж, пусть постарается, – парировала Абигайль, прежде чем уступить желанию рассмеяться. Джеймс присоединился к ней.

– Что это вас так развеселило? – поинтересовалась Пенелопа с мрачным видом, подходя к ним. – Джейми, ты знал, что папа купил дом?

– Да.

Она устремила на него обвиняющий взгляд.

– И ничего не сказал нам? Ты никуда не годишься как источник сплетен!

– Иногда полезно держать язык за зубами. Тебе следует как-нибудь попробовать.

Пенелопа презрительно фыркнула.

– И какая в этом радость? – Она повернулась к Абигайль. – В этом доме есть один существенный недостаток, и ты наверняка знаешь какой.

– Э... – Сестра посмотрела на Джеймса, но тот только пожал плечами.

– Подумай, – многозначительно сказала Пенелопа, добавив после интригующей паузы: – Мы в Ричмонде, вдали от лондонских магазинов!

– Здесь тоже есть магазины, знаешь ли, – заметил Джеймс.

– Но не такие, – возразила Пенелопа, даже не удостоив брата взглядом. Казалось, она пытается просверлить дыру в лице Абигайль своими ярко-голубыми глазами. – Где мы возьмем нужный лосьон, румяна, помаду? Мы будем выглядеть как друиды, обитавшие в лесах и болотах.

– Закупи впрок и привези собой, – предложил Джеймс. – Элементарное планирование решает практически все проблемы.

Пенелопа нахмурилась, продолжая яростно смотреть на Абигайль.

– Но у нас могут кончиться запасы! И что, если я растолстею, лишившись возможности ежедневно посещать балы? Мне понадобится новый корсет... такой, знаешь, с дополнительными пластинками под лифом, которые поддерживают каждую сторону отдельно...

– Извини, кажется, я недооценил твои страдания, – поспешно вставил Джеймс, двинувшись прочь. – Тебе лучше посоветоваться с мамой, – добавил он на ходу, прежде чем скрыться в доме.

– Бедный Джеймс, – сказала Абигайль, забавляясь. – Как он вообще женится, если одно упоминание о дамском корсете обращает его в бегство?

– Спроси лучше, как он женится, если все темы, на которые он способен говорить, – это лошади и деньги? – Пенелопа небрежно махнула рукой. – Ты понимаешь, что я имею в виду, не так ли?

– Полагаю, да. – Абигайль повернулась и зашагала дальше по дорожке. Кто знает, вдруг родители выйдут из дома, чтобы оценить вид на окрестности? Порой казалось, что миссис Уэстон обладает сверхъестественным слухом, и у Абигайль, в отличие от сестры, хватало здравого смысла не испытывать судьбу.

Пенелопа двинулась следом.

– Как мы собираемся покупать выпуски «Пятидесяти способов согрешить», сидя здесь? Нам понадобилось несколько недель, чтобы отыскать на Мэддокс-стрит книготорговца. Насколько мне известно, в Ричмонде нет ничего подобного!

– Возможно, нам вообще не следует гоняться за этим чтивом, – сказала Абигайль, одарив сестру суровым взглядом. – Ты и так уже числишься в черном списке мамы. Как бы расспросы владельцев книжных лавок в Ричмонде не ухудшили дело!

«Пятьдесят способов согрешить» было самым скандальным из всех изданий, выходивших в Лондоне. Каждый выпуск повествовал о любовных похождениях автора, описанных в ярких красках и со всеми подробностями. Хотя автор, называющая себя леди Констанс, сохраняла инкогнито своих любовников, она так заинтриговала публику, что все отчаянно пытались разгадать, кто скрывается под вымышленными именами описанных джентльменов. Их личности, не говоря уже о самой леди Констанс, живо обсуждались в лондонских гостиных, а выпуски альманаха были крайне популярны. Ввиду изрядной доли эротики эти издания продавались скрытно, и нужно было знать, к кому из книготорговцев обратиться. А поскольку альманах выходил нерегулярно, важно было не упустить момент, иначе весь тираж оказывался распроданным. Во всем Лондоне не было более преданного читателя леди Констанс, чем Пенелопа, хотя Абигайль была почти так же увлечена ее творчеством.

Вместе с подругой, Джоан Беннетт – ныне виконтессой Берк, сестры тщательно изучали каждый выпуск. «Пятьдесят способов согрешить» предоставлял уникальную возможность просветиться в областях, которые обычно скрывали от юных девушек. Впрочем, страсть к этому запретному плоду привела Пенелопу к катастрофе. В нетерпении прочитать очередной выпуск она была застигнута матерью с альманахом в руках и теперь находилась под ее строгим наблюдением. До сих пор Абигайль удавалось избегать подобного надзора, и она надеялась, что так и останется.

На лице Пенелопы отразилась досада.

– Знаю. Проклятие! Зачем ты отдала все наши выпуски Джоан? – Когда подруга вдруг выскочила замуж, с легким шлейфом замятого скандала, сестры Уэстон решили, что она больше нуждается в пособии, и отдали ей все выпуски, какие только смогли найти. Имея собственного мужа, Джоан могла проверить на практике некоторые из наиболее невероятных актов, описанных леди Констанс, и – как преданная подруга – поделиться впечатлениями. Единственная проблема заключалась в том, что виконт увез молодую жену в родовое поместье, и выпуски альманаха отбыли вместе с ней. Так, во всяком случае, решила Абигайль. Будь у нее красивый муж, она непременно захватила бы с собой все выпуски в качестве полезного руководства и источника идей.

– Ты не возражала, – напомнила она сестре.

– Знаю! – Пенелопа прижала пальцы к вискам. – Я думала, что будут новые выпуски, три или четыре к этому моменту. Как это возможно, чтобы за целый месяц не вышел ни один?

– Возможно, леди Констанс тоже уехала за город на лето.

– Не говори так! – Пенелопа пнула ногой дорожку, взметнув фонтанчик гравия, разлетевшегося по траве. – Папа уже решил, что мы дадим бал. Он намерен с самого начала произвести впечатление на весь Ричмонд.

– Уже? – Абигаиль ощутила вспышку интереса. – Мы еще даже не вселились в дом. Когда он предполагает это устроить?

– Через две недели. Как раз достаточно, чтобы мама заказала новое платье, – сообщила Пенелопа, подражая ворчливым интонациям отца. – Мог бы спросить нас! Мы никого здесь не знаем, даже Джоан в отъезде. Не представляю, на что папа рассчитывает, ожидая, что мы привлечем толпы благородных джентльменов, которые волшебным образом появятся перед нами, умоляя подарить танец. – Ироничный тон девушки лучше всяких слов говорил, что она думает по этому поводу.

– Придется сделать все, от нас зависящее, – сухо отозвалась Абигаиль.

Пенелопа только фыркнула.

– Это могло бы стать чудесной переменой в нашей жизни, – заметила Абигаиль. – В Лондоне у нас была масса возможностей познакомиться со знатными джентльменами, но мы их упустили. Возможно, здесь больше мужчин с хорошим вкусом и чувством юмора и меньше чванливых и высокомерных.

– Возможно, – неохотно согласилась Пенелопа. – Но здесь так тихо! С какой стати кто-то захочет проводить здесь время?

– Всего одно лето, – рассмеялась Абигаиль. – В твоём понимании это прямо-таки вечное изгнание. Представляю, как я буду дразнить тебя, если ты закончишь тем, что встретишь здесь мужчину своей мечты.

– Сомневаюсь. Мелкопоместные дворяне и сельские сквайры не в моем вкусе. Бери их себе. – Пенелопа шутливо подтолкнула сестру плечом. – Я буду беречь себя для волнующего, загадочного мужчины, готового биться насмерть за шанс провести ночь в моих объятиях.

– Такой брак продлится очень недолго, – заметила Абигаиль. – Не говоря уже о том, что скажет мама, – добавила она, зная, как раздражает младшую сестру столь пристальное внимание матери.

Пенелопа глубоко вздохнула:

– Мама! Учитывая, что она повсюду таскается за мной, у меня нет никаких шансов даже на поцелуй украдкой. Эбби, ты должна помочь мне! Иначе, клянусь, я сойду с ума. Я буду у тебя в неоплатном долгу, если ты постараешься раздобыть следующий выпуск.

Абигаиль ненадолго задумалась. Пенелопе нет равных, когда надо что-то разнюхать. Такой талант может оказаться весьма кстати в ближайшем будущем. Абигаиль была уверена, что сестра тоже может оказаться полезной, и это ее вполне устраивало.

– Ладно. Я помогу тебе достать выпуски «Пятидесяти способов согрешить», которые изданы в последнее время.

– Спасибо! – Пенелопа схватила ее руку и стиснула ее чуть ли не до боли. – Благослови тебя Бог, Эбби!

– Только пообещай, что не будешь приставать ко мне с этим. – Абигаиль высвободила руку из судорожной хватки сестры. – Seriously, Пен. Я попытаюсь купить книжку, но если ты будешь ныть...

– Когда я ныла? – отозвалась сестра с обиженным видом. – Я всего лишь прошу помочь.

Абигаиль достаточно натерпелась от помощи Пенелопы, чтобы не желать ее впредь. Она подняла руку.

– Только если я попрошу твоего содействия. Во всех других случаях держись подальше.

Пенелопа закатила глаза:

– Ладно.

– И еще... – Она устремила на сестру суровый взгляд. – Я прочитаю их первая.

Глава 2

Должно быть, миссис Уэстон оказалась менее восприимчивой к доводам супруга, чем обычно, поскольку, когда семейство прибыло в Харт-Хаус спустя неделю, сопровождаемое повозкой с багажом, в новой гардеробной ее ждал сюрприз. Услышав, как вскрикнула мать, Абигайль и Пенелопа припустили бегом, но, когда они ворвались в комнату, стало ясно, что это был возглас восторга. Миссис Уэстон держала в руках извивающийся комочек черно-коричневого меха. Розовый язычок лихорадочно лизал щеку матери, и сестры заключили, что отец нашел способ умиловить свою жену.

– Ну, разве он не милый? – воскликнула та, подняв щенка. Он был такой крохотный, что умещался в одной руке. Пенелопа восхищенно ахнула и подбежала ближе, чтобы рассмотреть собачку.

– Сельской жительнице нужна собака, – заявил отец девушек с другого конца комнаты. Он стоял в дверях смежной спальни и казался очень довольным собой.

– О, Томас, тебе не следовало этого делать, – отозвалась миссис Уэстон, но сияющая улыбка противоречила ее словам. – Но какое очаровательное создание!

– Надеюсь, глядя, как он носится по лужайкам, ты проникнешься более теплыми чувствами к Харт-Хаусу, – сказал мистер Уэстон, подмигнув.

– Ты неисправимый манипулятор, Томас Уэстон. – Миссис Уэстон позволила щенку еще раз лизнуть ее в лицо, прежде чем вручить его Пенелопе, которая принялась ворковать над ним, как только что ее мать. – Но это тот редкий случай, когда я благодарю тебя от всего сердца. – Она пересекла комнату и поцеловала супруга в щеку.

– Редкий случай? – Отец вскинул руки в шутливом отчаянии. – Если бы я знал, что этот маленький паршивец похитит твое сердце, я давно его тебе подарил бы.

– «Паршивец»! Как ты можешь, – возмутилась миссис Уэстон, поспешив к щенку, чтобы потрепать его за ушами.

– Он слишком мил для этого, – подхватила Пенелопа, рассмеявшись, когда собачка вцепилась зубами в ленты ее платья.

Отец только покачал головой:

– Как ты его назовешь, дорогая?

Супруга устремила любящий взгляд на своего нового питомца:

– Майло.

К добру или нет, но щенок быстро стал центром жизни в Харт-Хаусе. Миссис Уэстон повсюду брала его с собой, но он был хитрым и непоседливым, и стоило ей отвлечься, как он исчезал из поля зрения, забравшись в платяной шкаф или кладовку. Не проходило дня, чтобы не поднимался крик, и все домочадцы кидались на поиски Майло. После первого случая, когда все лихорадочно искали щенка, мистер Уэстон заявил, что собака должна сама находить дорогу домой, и отказался шевельнуть даже пальцем, когда она пропала в следующий раз. У Джеймса, стоило упомянуть Майло, вдруг возникали трудности со слухом. Пенелопа обожала щенка почти так же, как ее мать, но почему-то ее никогда не было поблизости, когда он пропадал и его надо было искать. Абигайль, как обычно, оказалась посередине, вынужденная участвовать во всех поисках по просьбе матери. Щенок был очаровательным созданием, но, по ее мнению, доставлял слишком много хлопот.

Беда разразилась вечером перед балом. Мистер Уэстон назначил торжество через неделю после их прибытия, что было чрезвычайно коротким сроком для подготовки такого события. Миссис Уэстон справилась, как она всегда это делала, но в значительной степени за счет мира и покоя в доме. И, конечно, Майло в суматохе исчез.

– Куда опять делся щенок? – обеспокоенно спросила миссис Уэстон, столкнувшись со старшей дочерью в парадном холле, украшенном зеленью и шелковыми лентами. – Я велела Марии запереть его в моей комнате, но она не уследила за ним. Ты не видела Майло, Абигайль?

– После полудня – нет.

– О боже! – Мать прижала руку к губам. – Надеюсь, он не выбрался наружу. Такую кроху запросто раздавят, если он попадет под копыта лошади или колеса кареты.

– Пойду поищу его, – предложила Абигайль. – Я уже одета, а у тебя полно других дел. – Например, вывести Пенелопу из ее мрачного настроения. Абигайль не желала принимать в этом участия. Она была сыта по горло поведением сестры, которая дулась с момента их прибытия в Ричмонд и по какой-то причине пребывала сегодня в особенно скверном расположении духа.

– Спасибо, дорогая. – Мать благодарно сжала руку дочери. – Но не уходи далеко. Если Майло нет рядом с домом, я отправлю на поиски Джеймса. Все равно он отказывается присутствовать на балу, – добавила она недовольным тоном. – Чем я заслужила таких мужчин в своей жизни... – Миссис Уэстон с раздраженным видом покачала головой.

– Я скоро вернусь, – пообещала Абигайль. – Наверняка песик где-то поблизости. У него слишком короткие лапки, чтобы убежать далеко.

Миссис Уэстон улыбнулась и, всплеснув руками, поспешила прочь. Абигайль вышла из дома. В суете, связанной с подготовкой к балу, слуги сновали взад-вперед, оставляя двери открытыми, и маленькая собачка могла легко выскользнуть на двор, никем не замеченная.

Абигайль двинулась по гравийной дорожке, оглядываясь по сторонам в поисках любимца матери и окликая его время от времени. Было так приятно прогуливаться, наслаждаясь тишиной и прохладой, к тому же не слыша ворчания Пенелопы. За неделю та составила длинный список вещей, которые ей не нравились: крики лодочников на реке, отсутствие магазинов поблизости, скрип двери ее спальни. Но для Абигайль самым тяжким испытанием явилось дурное настроение сестры. Если бы не это, она сочла бы, что отец сделал великолепный выбор. Как ни любила она деятельную суету Лондона, здесь царил покой, который нельзя было обрести в городе. Воздух тоже отличался, лишенный резких городских запахов, теплый и душистый, даже если рядом не было цветущих кустов и деревьев. А на этой дорожке, которая стала одним из ее любимых мест, пахло просто божественно. Абигайль сделала глубокий вдох, наслаждаясь ароматом цветов. Пожалуй, нигде она не чувствовала себя так хорошо, как в Харт-Хаусе.

Она добралась до конца благоухающей дорожки и остановилась, озираясь вокруг.

– Майло, – снова позвала она. – Где ты, глупая собака? – Впереди, в кустах, раздался шорох. Абигайль двинулась дальше, насвистывая. – Иди сюда, проказник! Твоя хозяйка сходит с ума от беспокойства.

Щенок послушно выбрался из кустов, виляя хвостом и задрал голову. К ужасу Абигайль, в зубах он держал пушистого зверька, который пищал и извивался.

– Майло! – ахнула она. – Брось это!

Щенок увидел ее и подпрыгнул, радостно поблескивая глазами. О, нет! Похоже, он решил, что это игра.

– Майло, – строго произнесла Абигайль, – брось кролика! – Ибо создание, лихорадочно извивавшееся в зубах щенка, определенно походило на крольчонка. При мысли, что придется нести домой собаку, вымазанную в крови несчастного малыша, желудок Абигайль сжался.

Словно в ответ, щенок тряхнул головой, и кролик снова отчаянно пискнул. Абигайль прижала ладонь ко рту, ужаснувшись еще больше. Она даже не представляла, что кролики способны издавать подобные звуки.

Шагнув ближе, она присела перед собакой, стараясь не запачкать юбку.

– Майло, – сказала Абилайль тихо, но твердо, – иди сюда. – Она не имела понятия, как забрать у щенка кролика, но полагала, что это будет легче сделать, если вначале поймать собаку. – Иди ко мне, негодник!

Майло попятился, виляя из стороны в сторону коротким хвостиком. Абилайль огорченно вздохнула. Жаль, у нее нет чего-нибудь вкусенького, чтобы подманить щенка.

– Иди ко мне, – снова сказала она, осторожно двинувшись вперед.

Щенок повернулся и понесся прочь, не выпуская добычу из зубов. Абилайль бросилась за ним.

– Майло, кому говорят, несносный безобразник, иди сюда! – Но щенок только припустил быстрее, свернув на грунтовую дорожку, уходившую в лес.

Абилайль помедлила, придерживая рукой юбку. Мать предупредила ее, чтобы она не слишком удалялась от дома. Вряд ли удастся отыскать среди деревьев коричневую собачку, тем более в сгущающихся сумерках. Разумнее вернуться домой и послать на поиски Джеймса, чтобы он прочесал чащу, где скрылся маленький проказник.

– Я не собираюсь гоняться за тобой, – пробормотала Абилайль, обращаясь к подростку, из которого доносился шорох, хотя самой собаки не было видно. – Тебе не повредит провести ночь в лесу, – мстительно добавила она, не подумав об опасностях, которые подстерегают там мелких животных.

Но когда Абилайль повернулась, собираясь уйти, раздалось пронзительное тьяканье – явно Майло, – а затем низкий угрожающий лай собаки куда большего размера. Последовало еще одно тьяканье, на этот раз более визгливое и жалобное, после чего Майло начал скулить. Абилайль резко обернулась, забыв о своем раздражении. Мама не переживет, если что-нибудь случится со щенком.

– Майло! – крикнула она, ринувшись на помощь. – Где ты? – Как Абилайль ни старалась раздвигать ветки, ее волосы растрепались, выбившись из прически. – Майло!

Прижав к себе юбки, она углубилась в лес, где кто-то – по всей вероятности, питомец ее матери – бился среди зарослей, громко повизгивая. Если он застрял, его будет легче поймать. О собаке, которой принадлежал басовитый лай, Абилайль старалась не думать.

Она чуть не лишилась чувств, когда перед ней возник огромный черный пес. Подняв лобастую голову, он устремил на девушку невозмутимый взгляд и громко гавкнул. Этот низкий трубный звук мог принадлежать исчадию ада, но само животное выглядело вполне миролюбиво.

– Не бойтесь, – произнес мужской голос. – Он не причинит вам вреда.

Фраза раздалась столь внезапно и так близко, что Абилайль вздрогнула всем телом. Ей понадобилась секунда, чтобы обнаружить говорившего – его коричневая куртка сливалась с деревьями. Приблизившись, мужчина снял шляпу.

– Пес появился так неожиданно, – сумела выговорить Абилайль, немного оправившись от потрясения.

Губы незнакомца дрогнули в улыбке.

– С ним это бывает. Сидеть, – приказал он псу, который послушно сел. – Это ваша собака там, в зарослях?

– Да, точнее, моей матери, – ответила Абилайль. – Он еще совсем щенок, но очень резвый, и, кажется, у него в зубах кролик.

Мужчина бросил взгляд в сторону, откуда доносилось повизгивание.

– Терьер?

– Да, золотисто-коричневый.

Мужчина кивнул.

– Пойду поймаю его. – Он бросил взгляд на платье девушки. – Пожалуй, у вас не самая подходящая одежда для прогулки по лесу.

Абигайль вспыхнула, сообразив, что все еще придерживает юбку, натянув ткань на бедрах и выставив на обозрение ноги почти до колен.

– Я не собиралась гулять в лесу. Чертова собака сбежала, и мне пришлось гоняться за ней. – Она отпустила юбку и расправила складки.

Взгляд мужчины скользнул вниз, следуя за опускающимся подолом.

– Похоже, вы отлучились с весьма роскошной вечеринки. Не стану вас задерживать.

Незнакомец повесил свою шляпу на ближайшую ветку и направился в заросли папоротника и бурелома, насвистывая сквозь зубы. Только когда он перешагнул через упавший ствол, Абигайль заметила, что он опирается на трость, крепко прижатую к его левому боку.

– Спасибо, сэр, – крикнула она ему вслед, ощутив угрызения совести. Было крайне неловко стоять посреди леса под пристальным взглядом огромного пса, пусть даже тот не шелохнулся, после того как хозяин велел ему сидеть. К тому же Абигайль не знала, как реагировать на последнее замечание незнакомца. Не его вина, что она опаздывает на родительский бал. Виноваты Майло и она сама, а больше всех эта легкомысленная горничная, Мария, если уж на то пошло.

Интересно, кто он такой, этот неожиданный помощник? Родители, кажется, сообщили о бале всех обитателей Ричмонда, и большинство из них приняли приглашение. Ясно, что он не из их числа. Если вообще из Ричмонда.

Но он собирается поймать Майло, за что она ему глубоко признательна. Абигайль напрягла зрение, наблюдая, как мужчина опустился на колени, скрывшись за кустарником. Через пару минут он поднялся, прижимая к себе щенка, и медленно двинулся в обратном направлении, раздвигая тростью листья папоротника.

– Спасибо, – снова сказала Абигайль, когда он приблизился. – Не могу выразить, как мне не хотелось идти туда самой. – Она протянула руки за щенком.

Мужчина поднял собаку за шиворот, окинув ее критическим взглядом. Майло вилял хвостом и скулил, но замолк, когда незнакомец шикнул на него.

– Весь перепачкался. – Он снова скользнул по ней взглядом. – Испортит ваше платье.

Абигайль помедлила в нерешительности. Даже не взяв щенка в руки, она видела грязь на его шерсти, которая не могла не оставить следов на светлом шелке ее платья.

– Я могу переодеться.

– Давайте я донесу собачку до вашего дома. – Незнакомец сунул щенка под мышку. – Ведь вы из Харт-Хауса?

Абигайль изумленно расширила глаза:

– Откуда вы знаете?

Его губ не коснулась и тень улыбки.

– Вы не могли прийти издалека, а Харт-Хаус – ближайший отсюда дом. К тому же в Харт-Хаусе недавно появился новый хозяин с двумя очаровательными дочерьми. Полагаю, вы одна из них.

– Я мисс Абигайль Уэстон, – медленно произнесла девушка, неуверенная, как отнестись к его словам. Это комплимент? Или пролог к тому, чтобы представиться?

– Так я и думал. – Протянув руку, незнакомец снял шляпу с ветки, куда повесил ее чуть раньше. – Так мы идем?

Абигайль хотелось спросить, кто он и почему оказался в лесу. У него не было ружья – значит, он не охотился. И хотя она знала, что лес прилегает к двум поместьям, все же была почти уверена, что эта часть является собственностью ее отца.

– Что заставило вас решить, что я мисс Уэстон?

– Слухи. – Мужчина поднял трость, указывая дорогу. – Сюда, пожалуйста.

– Если у вас есть веревка, я могла бы завязать ее вокруг шеи Майло и отвести его домой на поводке, – сказала Абигайль, предприняв последнюю попытку найти выход из положения.

– У меня нет веревки, – отозвался он унылым тоном, словно Абигайль мешала ему выполнить некую обязанность. Впрочем, возможно, так и было. Он определенно не выглядел довольным своей ролью.

Абигайль сказала себе, что следует быть благодарной, и постаралась говорить мягче.

– Спасибо. Извините, что доставила вам столько беспокойства.

Незнакомец устремил на нее долгий взгляд.

– Никакого беспокойства, мисс Уэстон, – сказал он наконец. – Давайте выберемся из леса, пока не стемнело.

Абигайль взглянула на небо.

– О да! – Становилось поздно, а ей еще надо сменить обувь и, возможно, даже платье, прежде чем присоединиться к гостям. Папа будет недоволен, а мама будет суетиться вокруг нее, поторапливая. Абигайль повернулась и зашагала через заросли. Мужчина что-то сказал черной собаке, и та двинулась следом за ними.

Несколько минут они шли гуськом по узкой лесной тропинке. Абигайль молчала, прислушиваясь к шагам своего спутника, едва слышным из-за шумного дыхания собаки, замыкавшей процессию. Воспользовавшись моментом, Абигайль стряхнула листья с волос и платья. Придется ей прокрасться в свою комнату и восполнить нанесенный урон перед зеркалом. Конечно, было бы гораздо хуже, если бы ей пришлось лезть в эти буйные заросли самой, но можно не сомневаться, что и без того ее внешний вид несколько пострадал.

Как только тропинка расширилась, Абигайль замедлила шаг, чтобы позволить мужчине поравняться с ней. Казалось странным идти впереди него, подобно принцессе в сопровождении свиты. Несмотря на трость, у незнакомца была легкая походка. Собственно, если бы она не заметила палки, то решила бы, что он лишь слегка прихрамывает. Но теперь, когда они шли рядом, она видела, как тяжело он налегает на трость.

– Вы не заметили кролика, когда нашли Майло? – поинтересовалась она, пытаясь нарушить неловкое молчание.

– Нет. А поскольку на щенке нет крови, полагаю, бедняга сбежал.

– Слава богу! – воскликнула Абигайль. – Я не представляла, как расскажу маме, что он убил крольчонка.

Мужчина пожал плечами, бросив на нее взгляд искоса.

– Но терьеры для того и существуют. Для охоты на грызунов.

– Только не этот, – возразила она. – Это маленький избалованный проказник, которого отец подарил маме в качестве извинения.

– В таком случае вам следует заняться его воспитанием и не выпускать наружу.

– Это легче сказать, чем сделать, – пробормотала Абигайль себе под нос. – Вы заслужили мою вечную благодарность, поймав Майла. Где вы его нашли?

– В кусте ежевики. – Незнакомец снова поднял щенка повыше. Тот выглядел вполне счастливым, с раскрытой пастью и высунутым язычком. – Нужно постричь его шерсть, если вы не хотите, чтобы он застревал в каждом колючем кусте, который окажется на его пути. – Он помедлил. – О каком извинении вы говорите?

– О! – Абигайль вспыхнула, отведя глаза. Мама никогда не простила бы ее, если бы узнала, что она рассказала совершенно постороннему человеку, что папа купил Майло в качестве извинения за дом. – Это только предположение.

– Понятно. – Мужчина снова сунул щенка под мышку. – Надеюсь, извинение было принято.

– Не то слово. – Абигайль закатила глаза. – Мама, наверное, встретит нас у порога с половиной местной полиции, готовой обыскать окрестности, чтобы найти Майло.

– Разве она не должна встречать гостей?

– Пожалуй, – признала Абигайль. Выходит, этот человек знает о бале, и даже когда тот начнется. Кто же он? – Прошу прощения, сэр, но я не знаю вашего имени.

Впервые с момента их встречи его губы тронула улыбка:

– Вы еще не догадались?

Абигайль напрягла память. Как же называется поместье, граничащее с ними? Монтгомери... Мерримонт... Монтроуз-Хилл, вспомнила она с чувством облечения.

– Вы владелец Монтроуз-Хилл?

Незнакомец на секунду замялся, прежде чем ответить:

– Да.

Абигайль ждала, что сосед назовет свое имя, но он больше ничего не сказал, целеустремленно шагая рядом с ней. Не слишком-то вежливо с его стороны!

– Жаль, вы не можете посетить бал моей матери. – Это тоже прозвучало не слишком вежливо, но Абигайль знала, что мать послала приглашение и в Монтроуз-Хилл. Просто девушка не могла вспомнить имя владельца.

– Разве это не сработало в вашу пользу? – отозвался мужчина, ничуть не обескураженный. – Если бы я собирался на бал, то не оказался бы в лесу и не спас вашу собаку.

– Но мы могли бы встретиться при более приятных обстоятельствах.

Он снова устремил на нее свои темные глаза, казавшиеся бездонными. Абигайль смело встретила его взгляд. У ее спутника была впечатляющая внешность, хотя и несколько мрачноватая. Темные вьющиеся волосы падали на воротник куртки, под которой угадывались широкие плечи. Он легко держал Майло в одной руке, хотя не был крупным мужчиной, скорее стройным и гибким. Но именно его лицо привлекло внимание Абигайль – с орлиным носом и тяжелыми веками, придававшими ему немного сонный вид, несмотря на искорки, мерцавшие в его взгляде. Судя по отсутствию морщинок по углам его выразительного рта, он редко улыбался. Суровый человек, заключила Абигайль, со своими секретами.

– И что бы изменилось, если бы мы встретились при более приятных обстоятельствах? – поинтересовался владелец Монтроуз-Хилла после долгой паузы. – Я не посещаю балы.

– Вообще? – вырвалось у нее.

– Да. – Он отвел глаза. – Вы скоро поймете почему.

– Звучит очень таинственно, – пробормотала она.

– Прошу прощения. Это не входило в мои намерения. – Впереди показался дом, и мужчина замедлил шаг. – Бегите домой и позовите горничную.

Абигайль нахмурилась. Она не привыкла, чтобы ею командовали.

– Почему бы вам не войти, сэр? Мама наверняка захочет поблагодарить вас за спасение ее любимца.

Мужчина вздохнул.

– Мне вполне достаточно вашей благодарности. – Завидев дом, щенок начал вырываться, и мужчина снова шикнул на него. Майло затих. – Он убежит, если я отпущу его.

– Тогда дайте его мне. – Абигайль протянула руки, чтобы взять щенка.

На этот раз во взгляде незнакомца не было ничего беглого – он прошелся по ее волосам, украшенным веточками жасмина, по лицу, затем медленно скользнул по ее фигуре, вплоть до мысков зеленых атласных туфель. Абигайль замерла под этим пристальным взглядом.

– Он испортит ваше платье, – сказал он. – Не для того я нес его всю дорогу, чтобы в конечном итоге он испачкал вас. Вы слишком прелестны, чтобы это позволить.

Абигайль избавило от ответа появление брата, который показался из-за дома. Увидев их, он остановился на полушаге, затем решительно направился к ним.

– Абигайль! Вот ты где. Мама уже начала беспокоиться.

– Майло убежал в лес, и этот джентльмен был настолько любезен, что помог мне поймать его. – Она повернулась к незнакомцу. Наверняка он теперь представится.

– Очень любезно с вашей стороны, сэр, – сказал Джеймс, поклонившись. – Джеймс Уэстон, к вашим услугам.

Взгляд незнакомца снова обратился к Абигайль, прежде чем он вернул Джеймсу поклон.

– Себастьян Вейн из Монтроуз-Хилла.

– Спасибо, что доставили мою сестру домой. – Джеймс бросил угрюмый взгляд на щенка. – Жаль, что не могу сказать то же самое об этом паршивце.

– Он не паршивец, – запротестовала Абигайль, хотя ее тоже порой посещали недобрые мысли относительно Майло. – Мама обожает его, как тебе прекрасно известно.

– При чем здесь это? Он прирожденный крысолов, и не будь он «очаровательным комочком меха», то находился бы на конюшне, занимаясь именно этим, – парировал Джеймс, процитировав описание, которое дала собаке Пенелопа.

– Песик, наверное, предпочел бы именно такой образ жизни. – Мистер Вейн протянул извивающегося щенка Джеймсу. – Всего хорошего, сэр.

– Разве вы не зайдете? Моя мать захочет выразить вам свою признательность. – Джеймс неохотно взял собаку, стараясь держать ее подальше от своего сюртука. Майло радостно вилял хвостом, высунув розовый язычок.

– Ваша сестра уже любезно пригласила меня, но я вынужден отказаться. – Вейн коснулся края своей широкополой шляпы. – Всего хорошего, мисс Уэстон. Мистер Уэстон. – На этот раз он едва взглянул на Абигайль и, повернувшись на каблуках, двинулся прочь, прихрамывая. Огромная черная собака потрусила следом.

– Поздравляю, – сказал Джеймс, когда новый знакомый удалился на приличное расстояние. – Первое завоевание налицо!

Абигайль скорчила гримаску:

– Ты имеешь в виду Майло? Уверю тебя, наш сосед едва смотрел на меня. Даже не назвал свое имя.

Брат усмехнулся:

– Я пошутил, Эбби. Себастьян Вейн! Насколько я слышал, он отшельник. Мама удивилась, когда он отклонил приглашение на бал, но папа заверил ее, что Вейн нигде не бывает.

– Почему? – Абигайль обернулась, глядя вслед мистеру Вейну. Она могла поверить, что он избегает общества. Казалось, Вейн не привык к разговорам, но в его глазах, когда он взглянул на нее в последний раз, мелькнуло что-то похожее на тоску. Словно он хотел принять приглашение, но не мог. И еще назвал ее «прелестной».

Джеймс пожал плечами:

– Думаю, у Вейна наступили тяжелые времена. Да и хромота, наверное, не помогает делу. Если мужчина не может танцевать и не в состоянии прилично выглядеть...

– Из-за этого необязательно становиться отшельником, – заметила Абигайль, продолжая смотреть в сторону леса, хотя мистер Вейн давно исчез из виду.

– У мужчин есть гордость, Эбби, – возразил брат. – Пойдем, пока мама не рассердилась, что ты торчишь здесь, пока она встречает весь Ричмонд. Поторопись, сестричка!

– Хорошо, но взамен ты позаботишься о Майло. – Абигайль ехидно улыбнулась в ответ на кислую гримасу Джеймса. – Не забудь вычистить всю грязь из его ушей.

Оставив Джеймса хмуро взирать на щенка, она вошла в дом и прошмыгнула по задней лестнице в свою комнату. Быстрый взгляд в зеркало показал, что несколько шпилек выбились из прически, но платье не пострадало. Быстро отряхнув юбку, Абигайль села за туалетный столик, чтобы привести волосы в порядок.

Отшельник! Почему? Может, у него не лучшие времена, но есть красивый дом. Абигайль не раз любовалась изящным кирпичным строением, располагавшимся на вершине холма, высившегося за Харт-Хаусом. Кроме того, мистер Вейн достаточно красив, чтобы большинство девушек не сочли его хромоту серьезным препятствием, если бы вообще обратили на нее внимание. Когда он пользовался тростью, этот недостаток казался почти незаметным. Более того, у Абигайль не возникло впечатления, что Вейн склонен к затворничеству. Будь так, он остался бы в стороне, когда она гонялась за Майло, ведь она даже не видела его, пока он не заговорил с ней, обнаружив свое присутствие. И не стал бы провожать ее до дома, а потом окидывать таким долгим оценивающим взглядом, словно упивался каждой черточкой ее внешности...

Что ж. Если балы для чего и годятся, то для сплетен. Наверняка такой загадочный мужчина, как Себастьян Вейн, породил немало разговоров. Абигайль закрепила последнюю веточку жасмина, выбившуюся из прически, и направилась вниз, решительно настроенная выяснить это.

Глава 3

Себастьян понял, что попал в беду, в ту самую минуту, когда девушка показалась из-за деревьев.

И не только потому, что она нарушила его одинокую прогулку по лесу, где он в очередной раз пытался заставить изувеченное колено выносить большую нагрузку. Доктора предупредили его, что эта нога всегда будет слабее здоровой, но Себастьян отказывался мириться с этим даже по прошествии семи лет. Каждый вечер он предпринимал долгие прогулки по своим владениям, скрипя зубами от боли. Вейн заставлял себя идти пусть медленно, но ровно, пытаясь усилием воли исправить ущерб, причиненный французской пулей.

И не потому, что он сразу понял – придется помочь незнакомке. Она была одета для бального зала, а не лесной чащи, заросшей папоротником и колючим кустарником. В лучах заходящего солнца ее бледно-зеленое шелковое платье поблескивало и переливалось, а ленты, украшавшие вырез, трепетали, когда она торопливо шагала между деревьями, спотыкаясь о неровности почвы. Яркая и изящная, она напоминала фею, порхающую в темном лесу, и Себастьян на мгновение замер, завороченный этим прелестным видением.

Но окончательно он понял, что пропал, когда девушка подняла голову и он увидел ее лицо. У нее были розовые, как персик, щеки в обрамлении рыжих локонов, украшавших ее голову, и нежная кожа, отсвечивавшая перламутром. При виде незнакомца розовые губы удивленно приоткрылись, но глаза девушки окончательно добились Себастьяна: прекрасные, серые, с густыми ресницами, широко распахнутые от изумления, без тени тревоги, опаски или осуждения. Вейн приглушенно выругался. Такие глаза способны обратить мужчину в рабство! Его отец сказал однажды нечто подобное, но к тому времени он уже сошел с ума, и Себастьян решил, что это всего лишь бред безумца.

Как теперь выяснилось, нет.

Вейн старался говорить как можно меньше, когда вытаскивал щенка из ежевичного куста, где тот застрял из-за своей густой шерсти. А потом приложил немало усилий, чтобы не смотреть на свою спутницу, когда они возвращались в Харт-Хаус и она пыталась вовлечь его в разговор. Он давно усвоил, что разговоры обычно порождают новые сплетни, всегда нелестные, и сомневался, что мисс Уэстон способна держать язык за зубами.

Но когда он осознал, что она не имеет понятия, кто он такой, и не слышала его ужасную историю, на короткое, яркое мгновение он чуть не поддавался искушению... К счастью, появился ее брат и спас его от самого себя, прежде чем он успел выставить себя дураком.

И все же на долгом пути домой Себастьян не мог думать ни о чем, кроме своей новой знакомой. Обычно ему нравилось в лесу. Это была полоска первозданной природы, разделявшая остатки его владений и земли, принадлежавшие Харт-Хаусу. Леди Бертон, прежняя владелица Харт-Хауса, была престарелой вдовой и редко покидала ухоженные лужайки, простирившиеся до реки. Она фактически уступила Вейну лес и в тех редких случаях, когда они встречались, ограничивалась величественным кивком, не располагавшим к более близкому знакомству. Что ж, ему следует помнить, что теперь Харт-Хаус принадлежит другим людям, и держаться отсюда подальше. Скорее всего, появление мисс Уэстон в лесу было всего лишь вызвано сбежавшим терьером, но нельзя допустить, чтобы эта встреча повторилась.

Сопение Бориса вывело Себастьяна из задумчивости. Пес ткнулся носом в его здоровое колено, словно подталкивая вперед.

– Знаю, – сказал Вейн Борису, оторвав трость от земли. Он брал палку с собой на тот случай, если подведет изувеченное колено. Когда он зашагал дальше, не опираясь на трость, нога заныла, но Себастьян позволил своим мыслям вернуться к мисс Уэстон с ее очаровательной манерой поджимать губки, и боль, казалось, несколько притупилась.

Добравшись до вершины холма, Вейн оглянулся. Отсюда открывался вид на Харт-Хаус, залитый огнями. Похоже, он один из немногих здешних сквайров, кто прислал отказ в ответ на приглашение на бал, который давали ее родители. Интересно, что мисс Уэстон сейчас делает? Танцует со всеми окрестными щеголями? Кокетничает со знатными джентльменами, которые соизволили явиться? Наверняка там есть и такие. И трудно представить, что среди них найдется хоть один, не очарованный рыжеволосой феей с сияющей улыбкой.

Себастьян был не чужд слухов, хотя ему и не нравилось быть их героем. Харт-Хаус купил нувориш Томас Уэстон. Хотя насчет происхождения его состояния говорили разное – от спекуляций на бирже до удачного пари с графом Гастингсом, – никто не сомневался, что оно весьма значительное. У него были две дочери и сын, все трое прекрасно обеспеченные. Одно этого было достаточно, чтобы не глядя объявить его дочерей красавицами. Впрочем, в данном конкретном случае слухи подтвердились. Мисс Абигайль Уэстон оказалась самым прелестным созданием из всех, кого когда-либо видел Себастьян.

К тому же она была молода, невинна и богата. Красоте и невинности не было места в его жизни, и, хотя богатство внесло бы в нее приятное разнообразие, Себастьян знал, что это не более вероятно, чем визит короля в его скромное жилище. Ему придется просто отводить глаза, когда Абигайль будет проходить мимо, и напоминать себе о тысяче причин, почему эта девушка не для него.

Войдя в дом, Себастьян нащупал на полке за дверью свечу и кремь. Когда свеча загорелась, он направился по темному коридору в гостиную. Поставив свечу на стол, он снял куртку и шляпу и опустился в старое кожаное кресло, не сдержав стон облегчения. Дорога в Харт-Хаус и обратно была длиннее, чем его обычная прогулка, и покалеченная нога мучительно пульсировала.

– Наконец-то! – воскликнула миссис Джонс, эконома, влетев в комнату. – Я уже начала беспокоиться за вас, молодой человек!

Себастьян усмехнулся, не открывая глаз.

– Напрасно. Борис притащил бы меня домой, живым или мертвым.

– Как будто это может служить утешением! Снимите сапоги и позвольте мне принести ваш ужин. – Миссис Джонс щелкнула пальцами псу, который сидел у двери, наострив уши. – Твоя еда на кухне, Борис. – При слове «еда» огромная собака вскочила с проворством щенка и галопом понеслась на кухню, стуча лапами по деревянному полу.

– Думаю, сегодня вечером вам понадобится лекарство, – сказала миссис Джонс с укором.

Себастьян снова представил себе Абигайль Уэстон с юбками, натянутыми на бедрах и открывающими до колен ее стройные ноги.

– Да нет, пожалуй.

– Незачем терпеть эту пытку всю ночь, – возразила эконома, взяв шляпу и куртку Вейна. – Не валяйте дурака. Я скажу мистеру Джонсу, чтобы приготовил вам горячую ванну и отнес ужин наверх. – Она вышла в коридор, окликая своего мужа.

Это была повседневная картина. Себастьян доводил себя до изнеможения долгими прогулками, а миссис Джонс хлопотала над ним, как мать над младенцем. Иногда он всего лишь терпел ее суету, иногда радовался, что хоть кто-то заботится о нем. Порой Вейну хотелось, чтобы все просто исчезли, оставив его в покое, а порой он мечтал пожить чужой жизнью и убедиться, что в мире существует счастье. Будь он другим человеком, он веселился бы сейчас в Харт-Хаусе. Он видел бы улыбку мисс Уэстон, блеск ее волос в сиянии свечей, мог даже касаться ее руки и сжимать в объятиях в танце. На мгновение мысли Себастьяна устремились...

Но он одернул себя. Надо быть сумасшедшим, как отец, чтобы воображать такое. Он тот, кто он есть, сын помешавшегося Майкла Вейна, неудачник, с изувеченной ногой и разо-

ренным поместьем. Тот, кому нечего предложить женщине, и Себастьян это хорошо усвоил за последние годы. Тот, кто не смог бы танцевать, даже если бы захотел. У него даже нет приличного вечернего костюма. Мисс Уэстон была бы рада краткости их знакомства, если бы слышала хоть малую толику разговоров, ходивших в городе о нем.

Поморщившись от боли, Себастьян поднялся с кресла и, хромая, поднялся по лестнице в свою комнату, где миссис Джонс уже подтащила к огню старую медную лохань, пока ее муж грел воду на кухне внизу. Если он не полежит в ванне, то утром будет чувствовать себя инвалидом. Через час экономка принесет наверх холодного цыпленка с вареным картофелем и кружкой эля. Вино теперь Вейну не по карману. Он расслабится в горячей воде, съест свой ужин в одиночестве, не считая Бориса, похрапывающего на половике, а потом ляжет в постель.

Один. И скорее всего, так будет всегда.

– Где ты была? – требовательно спросил отец, как только Абигайль вошла в гостиную.

– Гонялась за Майло. Этого озорника надо держать в клетке!

– О нет! Он такой милый! – запротестовала Пенелопа. – У него просто чудесная, как шелковая, шерстка.

– Вот из-за этой шерстки он и застрял в кусте ежевики, – отозвалась Абигайль, пробираясь через гостиную. Все двери были распахнуты настежь, чтобы создать для гостей единое пространство, где они могли бы свободно перемещаться. Абигайль огляделась в поисках матери, собираясь сообщить ей, что Майло дома, в целости и сохранности, начисто отмытый Джеймсом в конюшне. Мистер Вейн отверг их приглашение, но, судя по столпотворению, царившему вокруг, немногие последовали его примеру.

– Как тебе удалось извлечь его оттуда? – не отставала Пенелопа.

Наверное, она что-то видела в окно, предположила Абигайль.

– Мне помог наш сосед, который прогуливался в лесу. Он был настолько любезен, что вытащил Майло из кустарника. Противная собачонка так вывозилась, что пришлось просить Джеймса, чтобы тот привел ее в порядок.

– Что за сосед?

Абигайль сузила глаза:

– Мистер Вейн из Монтроуз-Хилла.

Пенелопа восторженно ахнула:

– Мистер Вейн! Самый загадочный из всех соседей! И каков он в общении?

Ну, конечно! Пенелопа слышала о мистере Вейне, всегда осведомленная обо всем и обо всех.

– Сдержанный. Настолько, что отказался войти и выслушать мамину благодарность за спасение Майло.

Пенелопа презрительно фыркнула:

– Это говорит о здравом смысле, если тебя интересует мое мнение. Я определенно избегала бы маму, будь у меня такая возможность... Но как мистер Вейн выглядит? Почему он не пришел на бал? Он что, страшный, как дьявол? Пугающий?

– Ради бога, Пенелопа, – вздохнула Абигайль. – Он был очень добр, забравшись в заросли кустарника и вытащив оттуда нашу глупую собаку. Я испортила бы платье, но мистер Вейн не только поймал Майло, но настоял на том, чтобы проводить меня до дома, чтобы мне не пришлось нести этого маленького грязнулю.

– Значит, любезный и галантный? – Пенелопа разочарованно нахмурилась. – Мрачный и устрашающий было бы гораздо интересней...

– Что еще ты слышала о нем? – Абигайль не видела причины скрывать свое любопытство. Пенелопа всегда была только рада поделиться тем, что знает, а Абигайль не могла отрицать, что заинтригована.

– Немного. Он настоящий отшельник, который редко выбирается из своей берлоги. Чтобы узнать больше, нужно расспросить леди Саманту. – Подхватив Абигайль под руку, сестра потащила ее в переднюю часть комнаты. – Тебе она понравится. Папа был вне себя от восторга, когда они сюда прибыли. Дочери лорда Стрэтфорда, слышала о нем?

– Но я хотела сказать маме, что Майло благополучно доставлен домой, – попыталась возразить Абигайль, следуя за сестрой.

– Думаю, она уже догадалась, – буркнула Пенелопа. – В конце концов, за ним отправилась ты, а ты хорошая дочь, которая всегда оправдывает надежды родителей.

– По-моему, ты принимаешь это слишком близко к сердцу.

– Ты бы тоже принимала, если бы тебя отстраняли от всего интересного в жизни.

Сестры Уэстон приблизились к двум очень элегантным дамам, одна из которых казалась ровесницей Абигайль, а другая на несколько лет старше.

– Леди Терли, леди Саманта, – сказала Пенелопа, изобразив широкую улыбку, – позволите представить вам мою сестру, мисс Абигайль Уэстон. Абигайль, это виконтесса Терли и леди Саманта Леннокс. Их отец – граф Стрэтфорд, который владеет великолепным домом на той стороне реки.

– Приятно познакомиться. – Саманта присела в реверансе, как и обе гости.

– Добро пожаловать в Ричмонд, – улыбнулась леди Терли. Высокая и стройная, она выглядела аристократкой до мозга костей, как и следовало ожидать от виконтессы. – Наши родители просили передать, что не могут присутствовать сегодня на балу и надеются посетить ваших родителей в самом ближайшем будущем.

Это было более теплое знакомство, чем ожидала Абигайль. Исходя из ее лондонского опыта, графы и другие титулованные особы вовсе не горели желанием снизойти до дружеских отношений с ними. Но, так или иначе, начало оказалось дружелюбным, и она улыбнулась.

– Спасибо. Мы счастливы, что вы смогли оказать нам честь.

Леди Саманта непринужденно рассмеялась. Это была очаровательная девушка с темно-русыми волосами и мягким взглядом зеленых глаз.

– О, наоборот, это мы должны благодарить вас. Ричмонд – такой тихий городок, что мы всегда рады новым членам общества.

Абигайль проигнорировала мрачный взгляд сестры при упоминании о том, как тихо в Ричмонде.

– Немного тишины и покоя не помешает. Летом в Лондоне слишком жарко и пыльно. Мы очень довольны Харт-Хаусом, не так ли, Пенелопа?

Пенелопа иронически рассмеялась, а затем вступила в разговор:

– Конечно! Но, надеюсь, вы простите мое постыдное любопытство. Один из наших соседей не смог прийти, и, признаюсь, мне отчаянно хочется узнать почему. Мистер Вейн из Монтроуз-Хилл. Вы знакомы с ним?

Прежде чем ответить, леди Терли помедлила в нерешительности, бросив странный взгляд на сестру.

– Не близко. Уверена, рано или поздно вы столкнетесь с ним, мисс Уэстон.

– Да, ведь его владения граничат с нашими, не так ли? – продолжила свои расспросы Пенелопа без всякого стеснения. Если бы Абигайль не сгорала от любопытства, она сменила бы тему, а так всего лишь изобразила вежливое внимание. – Думаю, есть даже общий лес. Собственно, моя сестра встретила его там сегодня вечером.

– Совершенно случайно, – уточнила Абигайль. – Мистер Вейн спас собачку моей матери, вытащив ее из колючего кустарника.

На лице леди Саманты мелькнуло удивление. Леди Терли снова бросила взгляд на сестру, на этот раз почти встревоженный.

– Как любезно, – сказала она после короткой заминки.

– Он довольно замкнутый человек, – промолвила леди Саманта. – Это действительно... очень галантно.

Последовало неловкое молчание. Очевидно, расспрашивать сестер Стрэтфорд о мистере Вейне было не лучшей идеей. Даже Пенелопа сообразила, что задела неприятную тему, и не знала, что сказать дальше.

Леди Терли прервала затянувшуюся паузу:

– Вы уже обнаружили благоуханную аллею? Это одно из мест, которым славится Харт-Хаус.

– Да, – отозвалась Абигайль с благодарностью. – Не знала, что у этой аллеи есть название, но «благоуханная» прекрасно подходит.

– Говорят, изначально она вела к гроту, но леди Бертон засыпала его много лет назад.

– О да! – подхватила леди Саманта с явным облегчением. – Разыскивать остатки грота было любимым развлечением моего брата в детстве. Он даже выпросил у леди Бертон, прежней владелицы Харт-Хауса, разрешение обследовать лес в поисках грота.

Девушки поболтали еще несколько минут, обсуждая местные достопримечательности, а дальше к ним присоединилась миссис Уэстон, лишив дочерей последнего шанса посплетничать о мистере Вейне. В конечном итоге им пришлось оставить своих новых знакомых и заняться другими гостями, но Абигайль надеялась, что они подружатся, особенно с леди Самантой. Девушка не производила впечатления гордячки и, не считая очевидного шока при упоминании мистера Вейна, казалась душевной и приветливой.

Остаток вечера прошел довольно приятно. Абигайль танцевала с тремя молодыми джентльменами и познакомилась еще с несколькими дамами. Когда прием закончился, мистер Уэстон выглядел довольным, насколько это возможно.

– Я знал, что нам будет хорошо в Ричмонде, – заявил он с ликованием. – Клара, любовь моя, уверен, в этом городе никогда не было более прекрасного бала.

– Рада, что ты доволен, дорогой. – Супруга позволила ему поцеловать ее в щеку. – Но сейчас я иду спать, и вы не увидите меня до полудня. Мои ноги просто гудят!

– Подожди, пока я сделаю тебе массаж с миндальным маслом, – пообещал мистер Уэстон. – Спокойной ночи, мои красавицы. – Он одарил Абигайль и Пенелопу отеческими поцелуями в лоб. – Ну, разве я был не прав насчет бала?

– Прав, как всегда, – заверила его Абигайль. Пенелопа закатила глаза, но Абигайль видела, что она тоже довольна балом.

Они последовали за родителями наверх, но Пенелопа, вместо того чтобы направиться к себе, потащилась за Абигайль в ее спальню.

– Как ты теперь относишься к Ричмонду? – поинтересовалась та, усевшись за туалетный столик, чтобы снять украшения. – По-прежнему уверена, что мы приговорены к скуке?

– Интересно, что заставило леди Саманту так перемениться в лице, когда мы спросили о мистере Вейне? – задумчиво произнесла Пенелопа.

Пальцы Абигайль застыли на застежке ожерелья.

– Не имею понятия.

– Спорим, у него есть какой-то восхитительно порочный секрет. – Пенелопа прислонилась к столбику кровати, глаза ее блестели. – Интересно, почему он держится особняком?

– Иди спать, Пенелопа. – Абигайль испытала облегчение, когда ее горничная, Бетси, проскользнула в комнату. – Я не знаю, что собой представляет мистер Вейн.

Но на этот раз Абигайль была даже более заинтересована в ответе на этот вопрос, чем сестра.

Глава 4

– Думаю, это то, что нам нужно.

Абигайль стояла, разглядывая книжный магазин. Просторный, с большими окнами, сверкавшими в утреннем свете, он выглядел чистеньким и совершенно не похожим на тесный лондонский магазинчик, где продавались «Пятьдесят способов согрешить». Теперь, когда состоялся бал, миссис Уэстон считала, что их семья достаточно представлена ричмондскому обществу, чтобы стать его частью. Когда Пенелопа спросила, могут ли они с Абигайль пройти по магазинам, мать согласилась, отправив с девушками Джеймса. Но брат почти сразу удалился по своим делам, покинув сестер возле лавки модистики. У Пенелопы, разумеется, были другие планы, и она потащила Абигайль в книжный магазин.

– Ты уверена?

– Нет, конечно, – шепнула Пенелопа. – Вот почему тебе придется войти и спросить.

– Этот магазин выглядит как, что его могла бы посетить даже мама, – отозвалась Абигайль, сопротивляясь попыткам сестры подтолкнуть ее вперед. – Ты рискуешь втравить нас обеих в жуткую переделку, Пен!

– Я дала слово, что возьму всю вину на себя, если что-нибудь пойдет не так. А ты дала слово, что попытаешься. Пожалуйста, Эбби. – В голосе Пенелопы прозвучала нотка отчаяния. – Я зачехну здесь от скуки и досады...

– Мы прожили в Ричмонде всего лишь одиннадцать дней, – возразила Абигайль, но выражение лица сестры заставило ее смягчиться. В отличие от нее Пенелопе было недостаточно хорошей книги и уютного уголка, где можно спокойно почитать. Девушка жаждала приключений, сплетен и волнений, но, с тех пор как месяц назад ее застали за чтением скандального альманаха, она была лишена своих привычных занятий. Миссис Уэстон ограничила свободу дочери железной рукой. Она должна была находиться вблизи от матери, танцевать только с указанными джентльменами и выходить в город только в сопровождении сестры или брата.

Но Абигайль понимала – как и Пенелопа, – что, если их проделка откроется, расплата будет суровой. Когда младшую сестру поймали в прошлый раз, она поклялась жизнью, что Абигайль не имела к этому никакого отношения и даже не знала об альманахе. Конечно, это была бессовестная ложь, но она сохранила за Абигайль право посещать магазины, какие она пожелает. Но если мама узнает, что и старшая дочь пыталась купить альманах, она поймет, что Пенелопа обманула ее и что, хуже того, Абигайль участвовала в обмане. Их жизнь тогда превратится в сущий кошмар.

– Хорошо, – сказала она наконец. – Тебе лучше держаться подальше от меня. Скоро вернется Джейми, так что нам надо поторопиться.

На лице Пенелопы отразилось радостное нетерпение.

– Спасибо, Эбби! Спасибо! Я буду послушной и тихой, как мышка. Просто спроси, есть ли у них альманах, и постарайся выглядеть уверенной и искушенной.

Они вошли в магазин, звякнув колокольчиком, подвешенным над дверью. Помещение было красиво оформлено, с книжными полками вдоль стен и скамьей посередине. Внутри было тихо и мирно, как и полагается книжному магазину. К счастью, он был почти пуст, не было свидетелей предстоящего преступления. Пенелопа подошла к книжным полкам, притворившись, будто изучает их содержимое, хотя Абигайль знала, что внимание сестры сосредоточено на ней.

Стараясь выглядеть, как посоветовала Пенелопа, уверенной в себе, несмотря на оглушительные удары сердца, она приблизилась к прилавку, где хозяйка, женщина средних лет,

заворачивала книгу для очередной посетительницы. Когда та ушла со своей покупкой, Аби-гайль шагнула к прилавку.

– Могу я помочь вам, мэм? – любезно осведомилась хозяйка.

Абигайль вытащила листок бумаги с названиями книг. Одну она собиралась купить для себя, другую по просьбе брата. На обе книги имелось разрешение миссис Уэстон. Абигайль произнесла короткую молитву, чтобы никто не узнал, что она дописала третье название, после того как мать одобрила список.

– Надеюсь. У вас есть эти книги?

Хозяйка прочитала список, бросив на девушку быстрый, оценивающий взгляд.

– Думаю, да, – сказала она бесстрастным тоном. – Мне нужно уточнить, особенно насчет последней.

– Спасибо. – Абигайль величественно кивнула, и женщина исчезла в задней комнате. Что ж, неплохо для начала. Оглянувшись, Абигайль поймала взгляд сестры. Пенелопа держала перед собой книгу, которая выглядела, как молитвенник, но прислушивалась к тому, что происходит у прилавка. Абигайль едва заметно кивнула, и в глазах сестры вспыхнула надежда, прежде чем она снова уткнулась в текст псалмов, старательно переворачивая страницы. Впрочем, Абигайль заметила, что ее глаза не движутся по строчкам.

Раздался звон колокольчика, прозвучавший в тишине магазина неожиданно громко. Абигайль бросила настороженный взгляд в сторону двери, молясь, что это не Джеймс зашел за ними раньше, чем собирался, и не сдержала возгласа при виде вошедшего:

– Мистер Вейн!

Себастьян стоял вполоборота в дверях, словно передумал входить. Услышав свое имя, он слегка вздрогнул, но повернулся к Абигайль достаточно охотно.

– Мисс Уэстон, – отозвался Вейн, поклонившись.

Абигайль присела в реверансе, проигнорировав взгляд сестры, буравивший ее спину.

– Как приятно снова видеть вас.

При дневном свете он казался таким же красивым, как запомнилось Абигайль. В его темных глазах, оказавшихся карими, поблескивали золотые искорки, и если бы он улыбнулся, эффект был бы сокрушительным. Вспомнив слова Джеймса о его стесненных обстоятельствах, Абигайль присмотрелась к нему внимательней, но костюм сельского джентльмена был вполне демократичным, и она не заметила особой разницы между его одеждой и одеждой брата. Почему такой мужчина стал отшельником?

Себастьян медленно подошел к прилавку.

– Как поживаете, мисс Уэстон?

– Я так благодарна вам за помощь с Майло! Когда я вернулась домой и увидела, на кого я похожа, только побегав за ним, я поняла, какую услугу вы мне оказали. – Абигайль скорчила гримаску. – Представляю, как я выглядела бы, если бы полезла в самую чашу.

Мистер Вейн окинул ее взглядом:

– Я рад, что до этого не дошло.

Губы Абигайль дрогнули в улыбке:

– Мама надеется, что вы как-нибудь заедете к нам, чтобы она могла поблагодарить вас лично.

– Это пустяк, не заслуживающей упоминания, – возразил Себастьян со своей обычной сдержанностью.

Абигайль продолжала улыбаться, наблюдая краем глаза за сестрой, которая чуть не свернула шею, пытаясь лучше рассмотреть нового знакомого. Пенелопа держала свое обещание быть тихой, как мышка, но она не обещала сдерживать свой жадный интерес к этому немногословному загадочному джентльмену. Абигайль как бы невзначай повернулась, заслонила сестре обзор.

– Мне вдруг пришло в голову, что я не знаю границ владений моего отца. Не могли бы вы подсказать мне, где проходит разделительная линия, чтобы я больше не вторгалась на вашу территорию.

Глаза мистера Вейна метнулись в сторону, видимо, он заметил Пенелопу. Абигаиль горячо взмолилась, чтобы ее сестра хоть раз в жизни придержала язык и не лезла в чужие дела.

– Я и сам точно не знаю, мисс Уэстон. Но вы можете гулять, где пожелаете, даже если забредете на земли Монтроуз-Хилла.

– Спасибо, вы очень добры. – Абигаиль замолкла, не зная, что еще сказать. Собственно, она даже не могла объяснить, почему ей хочется продолжать этот разговор. В этом человеке было что-то притягательное, несмотря на отстраненную манеру держаться. Ей нравился звук его голоса и хотелось увидеть, как он улыбается.

– Вовсе нет, – возразил он. – Это будет только справедливо. В детстве мне разрешали обследовать владения Харт-Хауса без всяких препятствий и ограничений, что я делал при любой возможности. Прежняя хозяйка поместья, леди Бертон, была очень любезна.

– Как я поняла, в Харт-Хаусе есть несколько интересных мест. Говорят, там имеется что-то вроде грота, но, кажется, никто не знает, где он находился.

Впервые в глазах Вейна сверкнуло оживление.

– Я слышал об этом гроте. – Линия его губ слегка смягчилась, придав лицу менее угрюмое выражение, чем обычно. Это была не совсем улыбка, но на душе Абигаиль потеплело, и ее сердце подскочило, когда он склонился ближе. – И я знаю, где он находится.

– Правда? – ахнула она. – Он еще существует? Мне сказали, он давно засыпан.

– Всего лишь зарос буйной растительностью. Чтобы попасть туда, придется продирается через заросли ежевики. – На этот раз губы Вейна мягко изогнула улыбка, и какое-то чувство, похожее на радость, осветило его черты. Он казался более молодым и почти бесшабашным. – Когда я обнаружил его несколько лет назад, то почувствовал себя отважным исследователем, словно открыл истоки Нила, не меньше.

Абигаиль с трудом следила за нитью разговора. Мистер Вейн был самым привлекательным мужчиной из всех, кого она встречала. Милостивый боже, она читала о женщинах, которые влюблялись с первого взгляда! Но до сегодняшнего дня она не понимала, как такое возможно. Неужели дамы в Ричмонде так слепы? Почему мистера Вейна не осаждают незамужние леди?

– Должно быть, это требовало немалой отваги, – сказала Абигаиль, взяв наконец себя в руки. – Леди Саманта Леннокс рассказывала, что ее брат долго искал этот грот, но так и не нашел.

Взгляд Себастьяна вдруг погас, словно задули свечу. Рот его превратился в прежнюю суровую линию, и лицо словно окаменело.

– Да.

– Это все, мисс? – Голос хозяйки заставил Абигаиль вздрогнуть. Она обернулась, все еще потрясенная увиденной метаморфозой, и обнаружила с тревогой, что женщина принесла заказанные книги. Все три. И прямо наверху, выставленный на всеобщее обозрение, лежал экземпляр «Пятидесяти способов согрешить».

Охваченная ужасом, мгновение Абигаиль тупо смотрела на невзрачную книжонку в мягкой обложке. О боже! Она не ожидала, что та найдется в подобном магазине, и еще меньше, что ее вручат ей с такой бесцеремонностью. В лондонском магазине альманах завернули бы в бумагу. Кроме того, Абигаиль уж точно не ожидала, что, когда это произойдет, она будет занята беседой с мистером Вейном. Тем не менее она все же была рада, что они наконец-то достали последний выпуск. Интересно, что леди Констанс сочинила на этот раз?

– Да, – выпалила она, выйдя наконец из ступора. – Спасибо. – Она поспешно прикрыла название альманаха, поставив на него свою сумку, и склонилась над ней, делая вид, будто ищет деньги, чтобы спрятать пылающее лицо под полями шляпки.

– Чем могу быть полезна, сэр? – осведомилась хозяйка магазина, обратившись к мистеру Вейну, пока Абигайль отсчитывала монеты. В голосе женщины отчетливо прозвучал холодок.

– Мне нужен «Морской альманах», – сказал Себастьян. – Последний номер.

Хозяйка презрительно усмехнулась:

– Мне надо посмотреть.

– Спасибо, миссис Дрисколл.

Абигайль покосилась на мистера Вейна из-под полей шляпки. Едва ли миссис Дрисколл обращалась к нему, как того заслуживал респектабельный джентльмен, но мистера Вейна это, казалось, ничуть не задевало. Вручив деньги хозяйке, девушка автоматически подняла сумку, так что злополучная книжонка снова явилась взору Себастьяна, прежде чем Абигайль осознала свою оплошность и схватила книги с прилавка.

– Всего хорошего, мистер Вейн, – сказала она, повернувшись к новому знакомому. – Надеюсь, мы еще увидимся.

На долю секунды взгляд Себастьяна задержался на книгах, которые Абигайль держала в руках.

– Возможно, мисс Уэстон.

О боже, он видел! Абигайль неловко сделала книксен, залившись румянцем. Возможно, мистер Вейн не знает, что это за книжка, предположила она. Или подумал, что Абигайль купила ее не для себя. Но она никогда не была такой хорошей притворщицей, как ее младшая сестра, и, наверное, выглядела виноватой, насколько это возможно. Опустив голову, Абигайль выскочила из магазина, оставив Себастьяна стоящим у прилавка в ожидании своего заказа.

– В чем дело? – прошипела Пенелопа, догнав сестру на улице. Абигайль совсем забыла о ней.

– Я ненавижу тебя, Пен, – сказала она, уставившись прямо перед собой. – Имей это в виду.

– Даже так? – Пенелопа коварно усмехнулась, посмотрев через плечо. – Значит, это и был загадочный мистер Вейн! По-моему, он заинтересовался тобой, Эбби.

– Замолчи, – буркнула она сквозь стиснутые зубы.

– Мне показалось, ты очень оживилась, разговаривая с ним. Ты что, тоже увлеклась им? – Пенелопа снова оглянулась. – А знаешь, он смотрит на тебя через окно.

– Перестань оглядываться, – приказала Абигайль. – Возможно, его заинтересовала эта чертова книжонка!

– Нет! – Глаза сестры тревожно округлились. – Ты позволила ему увидеть ее?

– Ничего я ему не позволяла. Просто хозяйка плюхнула ее на прилавок прямо перед его носом, прежде чем я успела помешать ей! – Абигайль вытащила злосчастный альманах и протянула его сестре. – Нужно придумать способ получше, как доставать свежие выпуски. Если, конечно, мама ничего не узнает об этом и не посадит нас под замок.

Пенелопа спрятала книжку в свою сумку.

– Ты права. Если бы я знала, что нетерпеливый поклонник появится сегодня в магазине, то никогда не попросила тебя пойти сюда.

Абигайль метнула в сестру убийственный взгляд и зашагала дальше, не говоря ни слова. Мистер Вейн меньше всего напоминал нетерпеливого поклонника. Проблема в том... что Абигайль хотелось, дабы он был таковым. Или, по крайней мере, проявил хоть какие-то признаки интереса, потому что сама она находила его очень привлекательным.

С другой стороны, для ее же собственного блага ей следует надеяться, что она его больше никогда не увидит. Он видел выпуск «Пятидесяти способов согрешить». Он знает, что она его купила. Все, что ему нужно, это спросить кого-нибудь, что это такое, и она погибла! Собственно, она, наверное, уже погибла. Достаточно одного слова, что сестры Уэстон покупают подобные книги, и рано или поздно слухи дойдут до матери, а уж тогда никакие уверения Пенелопы не спасут ее.

А пока Абигайль только надеялась, что мистер Вейн не последует за ней.

– Это все, мистер Вейн? – Миссис Дрисколл подтолкнула заказанную Себастьяном книгу через прилавок, словно опасалась передать покупку непосредственно ему в руки.

– Да, мэ. – Себастьян открыл кошелек. Он больше не надеялся, что ему предоставят кредит, и носил с собой деньги, чтобы не усложнять дело. Расплачиваясь наличными, он мог не опасаться, что превысит свой ограниченный доход, и никто из торговцев еще не жаловался на то, что с ним рассчитываются на месте. Когда-то хозяйка книжного магазина была добра и сердечна с Себастьяном, но потом мистер Майкл Вейн набросился на нее во время одного из своих припадков, и с тех пор она обращалась с сыном как с его сообщником. Миссис Дрисколл всегда настороженно наблюдала за ним, словно боясь, что он вдруг нападет на нее в приступе гнева.

Должно быть, мистер Уэстон еще не открыл здесь счет, раз его дочерям тоже приходится иметь с собой наличные. Себастьян помедлил, положив деньги на прилавок. Ему следовало бы знать, что он может столкнуться с мисс Абигайль сегодня, когда впервые за много недель выбрался в город. Но вопреки его воле что-то внутри Вейна возликовало, когда девушка обернулась и с явной радостью произнесла его имя.

Себастьян был бы доволен, даже если бы они просто обменялись приветствиями, что предоставило бы ему возможность смотреть на мисс Уэстон в течение нескольких минут. В приглушенном свете магазина ее волосы казались красноватыми, а возможно, это был отблеск ее красной накидки. Серые глаза Абигайль были такими же ясными, как накануне, и Себастьян был заворожен их выражением. Ей явно хотелось поговорить с ним. Она улыбнулась, когда он сделал ей комплимент. Ее взгляд вспыхнул, стоило ему сказать, что он знает, где находится старый грот. В эти несколько минут Себастьян почти забыл, кто он, ослепленный ее улыбкой, глазами и тем, как она прижимала к груди затянутые в перчатки руки...

Но затем мисс Уэстон упомянула Саманту и Бенедикта, и Вейн все вспомнил. Он вспомнил обо всем, что потерял, и обо всех причинах, из-за которых ему с Абигайль Уэстон не светит ничего, кроме случайных встреч в городе или в лесу. А Себастьян понимал, что не следует приглашать ее на прогулку, но, видимо, он слишком эгоистичен для этого. Что плохого, если они будут изредка видеться? Рано или поздно найдутся доброжелатели, которые просветят ее насчет его прошлого, и тогда не будет иметь значение, что он сделал.

И все же по какой-то причине Себастьян медлил у прилавка. Он не вправе претендовать на внимание мисс Уэстон. Чем меньше он знает о ней, тем лучше. Хотя, признаться, она купила весьма интригующее издание...

– Вы передумали? – резко спросила миссис Дрисколл, схватив монеты, словно опасалась, что Себастьян заберет их назад.

– Да. – Он устремил на нее твердый взгляд, вытащив еще несколько монет, хотя и не мог позволить себе лишние траты. – Я хотел бы купить ту книжку.

Глаза хозяйки магазина настороженно сузились:

– Какую?

– Ту, что вы только что продали. «Пятьдесят способов согрешить».

Глава 5

Интерес Абигайль к мистеру Вейну, существенный с самого начала, после их встречи в книжном магазине превратился в настоящую одержимость. Ей не давал покоя короткий проблеск оживления, охвативший ее собеседника, заставив предположить, что по натуре он совсем не отшельник. Очевидно, это был вынужденный ход, скорее всего, навязанный другими. Миссис Дрисколл разве что не грубила мистеру Вейну в лицо, хотя он держался с ней вполне вежливо. Что могло случиться, чтобы заставить почтенную хозяйку магазина чураться местного землевладельца? Интересно, где находится грот, обнаружением которого так гордится мистер Вейн? И почему при упоминании леди Саманты и ее брата его взгляд померк? Абигайль была столь поглощена своими мыслями, что совсем забыла попросить у Пенелопы этот выпуск «Пятидесяти способов согрешить», стоивший ей такой нервозности.

Она сосредоточилась на местных сплетнях, которые пересказывали дамы, приезжавшие к их матери с визитами. Абигайль всегда прислушивалась к пересудам и чрезвычайно наслаждалась некоторыми из них, но теперь ловила каждое слово как возможный ключ к загадочному соседу.

Печально, но никто, казалось, не интересовался им до такой степени, как она. Даже Пенелопа переключилась на более благодарные темы, такие как обсуждение завидных холостяков, намеренных избрать Ричмонд для своего летнего отпуска. Эта тема была явно близка сердцу миссис Уэстон и затрагивалась при любой возможности с каждой дамой, навещавшей ее. Вначале Абигайль думала, что этого достаточно – рано или поздно имя мистера Вейна должно всплыть в разговоре. Но, казалось, никто не считал мистера Себастьяна Вейна подходящим женихом, что все больше озадачивало Абигайль. Почему? Не считая небольшой хромоты, он был красив и обладал поместьем. Однако никто даже не упомянул его имя.

Наконец как-то днем, когда Абигайль помогала матери навести порядок в шкапулке для вышивания, вошел дворецкий и объявил:

– К вам мистер Себастьян Вейн, мадам.

– О! – Миссис Уэстон радостно улыбнулась, поглаживая шерстку Майло. – Наконец-то! Пригласите его, Томсон.

Абигайль молчала, онемев от потрясения и внезапной тревоги. Мистер Вейн здесь, собственной персоной! Она не ожидала этого, учитывая категоричность, с которой он отказался нанести им визит. Что ж, надо постараться не упустить этот ниспосланный свыше шанс. Но мистеру Вейну известен маленький секрет, касающийся «Пятидесяти способов согрешить», и нет никакой возможности предупредить его, прежде чем он встретится с мамой. Возможно, он не догадывается, что это тайна. А что, если он не одобряет поступок Абигайль и намерен сообщить об этом матери? Он мог усомниться в ее воспитании и нравственности. Жаль, невозможно выскочить в коридор и перемолвиться с ним словом. Хотя что она ему скажет? Не говорите, пожалуйста, моей маме, что я купила эту скандальную книжонку? Вряд ли это хорошая идея.

Дверь открылась, и Абигайль медленно поднялась на ноги. Вначале послышалась мерная поступь, с едва заметным постукиванием трости, а затем в дверях показался сам Себастьян Вейн, с зачесанными назад волосами, в темно-синем сюртуке. Абигайль ощутила нелепый порыв подбежать к нему и встать рядом.

– Мистер Вейн! – Миссис Уэстон направилась навстречу молодому человеку, протянув вперед руки. – Я так рада наконец познакомиться с вами. Спасибо, что пришли.

– Мне следовало сделать это раньше, миссис Уэстон, чтобы поприветствовать вас в Ричмонде. – Себастьян склонился над ее рукой.

Она улыбнулась:

– Чепуха! Я не придаю значения формальностям. Подойди сюда, Абигайль, поздоровайся с нашим гостем, раз вы уже знакомы, – добавила она, повернувшись к дочери.

– Добрый день, мистер Вейн. – Абигайль присела в реверансе. Он поклонился, не сводя с ее лица своих карих глаз. – Как любезно с вашей стороны навестить нас!

Жаль, что она не может прочитать его мысли. Лицо мистера Вейна оставалось бесстрастным, хотя он вглядывался в нее так пристально, что, казалось, должен был что-нибудь сказать.

– Добрый день, мисс Уэстон, – произнес он после короткой паузы. – Надеюсь, у вас все в порядке?

«Да, теперь, когда вы пришли», – мелькнуло в голове Абигайль, отчего она вспыхнула до корней волос.

– Вполне, спасибо, сэр.

– Рад слышать это. – Себастьян снова помедлил, казалось, лаская взглядом каждую черточку ее лица. – Я тронут таким теплым приемом.

– Как же иначе! – Миссис Уэстон снова расположилась на диване, махнув рукой в сторону кресла напротив. – Прошу вас садиться, мистер Вейн. Позвольте предложить вам чаю?

– Спасибо. – Себастьян сел, лишь слегка стиснув челюсти, и Абигайль осознала, что он прислонил свою трость к спинке кресла и обошел вокруг него без ее помощи. Абигайль опустилась на другой конец дивана, предложив Майло игрушку, которую Джеймс сделал для него из куса толстой веревки, завязанного узлом. Щенок схватил ее и принялся радостно терзать, улегшись на подушки.

– Вы владелец Монтроуз-Хилла, не так ли? – осведомилась миссис Уэстон, налив в чашку чаю и вручив ее гостю. – С лужайки открывается чудесный вид на ваш дом, и я часто люблюсь им.

– Да. – Себастьян окинул взглядом комнату. – Могу сказать то же самое о Харт-Хаусе. Он выглядел таким покинутым после смерти леди Бертон. Приятно, что в нем снова живут.

Миссис Уэстон улыбнулась:

– Спасибо, сэр. Мой муж заверил меня, что это будет идеальное убежище, дабы отдохнуть от Лондона, и, должна признаться, оказался полностью прав.

Мистер Вейн кивнул. Он по-прежнему не улыбался и, не считая первого, странно интимного взгляда, не смотрел на Абигайль.

– Я прожил здесь всю жизнь, мэм, и всегда предпочитал здешние места Лондону.

– Как и я, – вставила Абигайль, твердо намеренная не дать игнорировать себя. – Здесь так спокойно.

Себастьян едва взглянул на нее.

– Пожалуй, мисс Уэстон.

– Я так признательна вам за спасение моего дорогого Майло, мистер Вейн! Абигайль рассказала мне, как вы пришли ей на помощь. – Миссис Уэстон помедлила, почесывая грудку своего любимца, который тявкнул, прежде чем продолжить грызть веревку. – Не представляю, что бы я делала, потеряйся он в лесу!

– Я всего лишь вытащил его из кустов ежевики, миссис Уэстон. Ваша дочь заслуживает большей благодарности за его спасение. Это она отыскала его в зарослях. – Он перевел взгляд на Абигайль, оставаясь по-прежнему серьезным и неулыбчивым.

– И она была очень рада, что не пришлось преследовать его дальше. – Вопреки небрежному тону взгляд матери, устремленный на Абигайль, был острым и испытующим, словно она ощущала напряжение дочери. – Это спасло ее любимое платье, как я понимаю.

– Да, – отозвалась Абигайль с улыбкой. – Мне очень повезло. Мы могли бы найти новую собаку, но это платье было единственным в своем роде.

Миссис Уэстон ахнула в притворном негодовании.

– Майло, не верь ни единому слову! – При упоминании своей клички щенок завилял хвостом. – А я сделаю вид, что ничего не слышала.

– Надеюсь, он не пострадал от этого приключения, – сказал мистер Вейн.

– Ничего такого с ним не случилось, что не могла бы исправить хорошая ванна, – заверила его миссис Уэстон.

– Мистер Вейн посоветовал постричь Майло, мама, чтобы он не застревал в кустарнике, – сообщила Абигайль, наблюдая за гостем. Его глаза были прикованы к чертовой собачонке, грызущей веревочный узел размером с ее голову. Она была совершенно сбита с толку. Неужели мистер Вейн пришел только для того, чтобы выразить уважение маме как сосед? А если его подвигли на это хорошие манеры, то почему он отказался назвать ей свое имя, когда они встретились в лесу? Казалось, он вознамерился игнорировать ее, ограничиваясь уклончивыми взглядами и односложными репликами в ответ на ее попытки поддержать разговор.

– Подстричь! О, он такой красивый с этой длинной шерсткой, – запротестовала миссис Уэстон. – Просто отныне мы будем лучше следить за ним и не позволим бегать по лесу.

Майло, поглощенный своей игрушкой, которую усердно трепал, вдруг вскочил. Его уши стали торчком, шерсть вздыбилась, из горла вырвалось тихое рычание, и он разразился лаем – за секунду до того, как дворецкий постучал в дверь.

– Миссис Хантли, мадам, – объявил Томсон.

– Проводите ее, Томсон, – распорядилась миссис Уэстон. – Тихо, Майло. – Щенок снова улегся на подушку, не сводя с двери темных и блестящих, как пуговицы, глаз.

Мистер Вейн поднялся на ноги. Его чашка уже стояла на столике – нетронутая, как вдруг осознала Абигайль.

– Приятно было познакомиться, миссис Уэстон, – сказал он, потянувшись за своей тростью. – Не смею задерживать вас.

Миссис Уэстон выглядела удивленной.

– Но почему... останьтесь и выпейте свой чай, сэр.

– Спасибо, мне пора. – Себастьян поклонился и шагнул к выходу, словно больше всего на свете хотел убраться отсюда. И все же, прежде чем он достиг двери, та отворилась, впустив миссис Хантли.

Энн Хантли была женой джентльмена, которому принадлежал большой дом неподалеку от ворот Ричмонд-парка. По слухам, его семья происходила от любимого слуги Карла Второго, который лично даровал ему эту собственность. Поскольку миссис Хантли сама рассказала эту историю, Абигайль полагала, что это правда. По какой-то причине между этой женщиной и ее матерью быстро завязалась дружба, но Майло невзлюбил миссис Хантли. Каждый раз, когда она приезжала с визитом, щенок начинал тявкать, пока его не выдворяли из комнаты.

Этот раз не стал исключением. Майло разразился заливистым лаем, как только миссис Хантли появилась в гостиной, но более поразительной была реакция вошедшей и мистера Вейна друг на друга.

Миссис Хантли ахнула и остановилась как вкопанная, прижав ладонь к груди.

Мистер Вейн, с лицом, более каменным, чем обычно, отвесил ей официальный поклон и удалился без единого слова.

Миссис Уэстон, пытающаяся успокоить Майло, ничего не заметила. Но Абигайль могла поклясться, что миссис Хантли отпрянула от мистера Вейна, когда он прошел мимо, как от чумного больного. Это был второй человек, который так смотрел на мистера Вейна, словно чувствовал в его присутствии запах серы.

Повинуясь внезапному порыву, Абигайль схватила Майло с дивана.

– Отнесу его наружу, чтобы ты могла спокойно пообщаться с миссис Хантли, – сказала она и, не дожидаясь ответа, вылетела из комнаты. – Тише, – шикнула девушка на собаку, торопливо шагая по коридору. Как мог мистер Вейн так далеко уйти за считанные секунды? Ведь он прихрамывает, а она почти бежит. К тому времени, когда Абигайль сдернула собачий поводок с крючка за дверью, их гость уже шагал по подъездной аллее.

– Мистер Вейн! – окликнула его Абигайль. Его шаг на секунду замедлился, но он даже не оглянулся. Чертыхаясь себе под нос, Абигайль набросила поводок на шею Майло и опустила песика на землю. Теперь, когда щенок находился вдали от миссис Хантли, он перестал лаять и радостно припустил рысцей, а его хозяйка устремилась следом за этим загадочным соседом. – Мистер Вейн!

Себастьян остановился, только когда Абигайль догнала его.

– Да, мисс Уэстон?

– Вы ушли так внезапно, – сказала она, запыхавшись. – Надеюсь, не из-за Майло. – Маленький проказник обнюхивал сапоги Вейна без всяких признаков ярости, в которой пребывал всего несколько минут назад. Глядя на собаку, Абигайль вдруг осознала, что Майло лает на всех, кроме мистера Вейна.

Себастьян тоже посмотрел на щенка.

– Нет.

– Тогда, надеюсь, не из-за меня, – осмелилась произнести Абигайль.

– Почему вы так решили? – Вейн бросила на нее короткий взгляд, затем снова уставился на собаку. – Ничего подобного!

– Мне кажется, вы избегаете смотреть на меня, – тихо заметила она. – Если я чем-нибудь задела вас...

– Отнюдь. – Себастьян перешагнул через Майло и двинулся дальше. Абигайль догадалась, что он пришел из Монтроуз-Хилл пешком. Это давало ей больше времени, чтобы разговорить его.

– Но вы избегаете меня. – Она зашагала рядом с ним, ведя Майло на поводке.

– Нет, – сказал Вейн, глядя прямо перед собой. – Я не собирался задерживаться надолго. Визит вашей гостьи просто ускорил мой уход.

– А мне так хотелось послушать о блистательном происхождении миссис Хантли, – пробормотала Абигайль себе под нос. – В кои-то веки я согласна с Майло.

Ее спутник издал негромкий звук, похожий на фырканье.

– Полагаю, вы тоже с ним согласны, – сказала она, ободренная. – Почему же появление миссис Хантли явилось причиной вашего поспешного исчезновения?

Он вздохнул:

– Если бы я этого не сделал, ушла бы она, а это поставило бы вашу матушку в неловкое положение. Поскольку я уже выразил свои симпатии, то предпочел не дожидаться этого.

– С какой стати ей уходить? – Абигайль решила, что будет лучше, если она сделает вид, будто не заметила их взаимной неприязни. – В вас нет ничего страшного, сэр.

Он искоса взглянул на нее:

– Откуда вы знаете?

Абигайль задумчиво встретила его взгляд, склонив голову набок.

– Мне подсказывает интуиция.

Он остановился:

– И она вас никогда не подводит?

– Почему же? – Абигайль рассмеялась. – Я этого не говорила. Но, думаю, я страшнее вас, поскольку каждый раз, когда мы встречаемся, у вас такой вид, словно вам хочется убежать.

И снова линия рта мистера Вейна смягчилась. Это было единственное изменение в выражении его лица, но оно произвело поразительный эффект.

– Как вы догадались?

– Вы не назвали свое имя, когда мы встретились впервые, – заметила Абигайль. – Вы повернули назад, когда увидели меня в книжном магазине. Сегодня вы едва смотрели в мою сторону, даже когда я обращалась непосредственно к вам. Какой вывод можно сделать, окажись вы на моем месте?

В течение нескольких мгновений Себастьян молча смотрел на Абигайль. Она твердо встретила его взгляд, не обращая внимания на Майло, который дергал поводок, пытаясь вырваться на волю.

– Да, – сказал он наконец. – Вы правы. Мне действительно хочется убежать, когда я вижу вас.

– Но почему? – Абигайль ускорила шаг, стараясь не отставать, когда он двинулся дальше, более решительно, чем раньше. – Что я сделала?

– Ничего, – сказал он, добавив себе под нос: – И я молюсь, чтобы так и оставалось.

– В таком случае что мне следует делать? – Они уже удалились от дома на приличное расстояние. Абигайль выскочила наружу без шали и шляпки, и ей приходилось щуриться на солнце, когда она смотрела на своего спутника.

– Ничего, – повторил Себастьян. – Ради вашего же собственного блага.

– Но если я внушаю вам отвращение, ничего не делая, какой смысл продолжать ничего не делать?

Вейн помедлил.

– Вы не внушаете мне отвращения. – Он указал тростью за ее спину. – Эта тропинка ведет ко мне домой. Прошу извинить меня, мисс Уэстон.

Абигайль позволила ему пройти, но продолжала следовать за ним по пятам, таща за собой бедного Майло.

– Если это так, почему вы не хотите поговорить со мной? Был только один момент – когда вы рассказывали о затерянном гроте, – когда я чувствовала, что вы говорите от души.

Себастьян почти беззвучно вздохнул.

– Разве я не говорю с вами сейчас?

– Не сказав почти ничего, – проворчала Абигайль. – Мы соседи, сэр. Разве мы не можем быть в дружеских отношениях?

Себастьян вдруг резко остановился и повернулся к девушке лицом. Когда он шагнул вперед, Абигайль отпрянула, а затем попятилась, пока не уперлась спиной в дерево. Вейн навис над ней, склонившись так низко, что она могла видеть морщинки вокруг его глаз.

– В дружеских? – тихо произнес он. – У нас никогда не будет дружеских отношений.

– Почему? – вымолвила Абигайль, запинаясь. Сердце бешено колотилось в ее груди.

Себастьян улыбнулся, но это была горькая улыбка, заставившая ее глаза удивленно расширяться.

– Потому что я пропащий человек, мисс Уэстон. Разве вы ничего об этом не слышали? Моя семья отмечена безумием. Мое поместье разорено. Люди называют меня вором. Некоторые даже говорят, что я убил своего отца. Спросите любого в городе, и вам посоветуют держаться от меня как можно дальше. Такой красивой и невинной девушке я должен казаться воплощением дьявола.

– Вы действительно убили своего отца? – Не успели эти слова сорваться с губ Абигайль, как она пожалела о них.

– А как вы думаете? – поинтересовался Вейн мягким, вкрадчивым тоном.

Абигайль задумчиво нахмурилась.

– Я сомневаюсь в этом.

– Но вы не знаете наверняка. Этого достаточно, чтобы насторожиться.

Она устремила на него долгий взгляд.

– Вы меня интригуете.

Себастьян склонился ближе, и она закрыла глаза, охваченная смятением.

– А вы меня, – отозвался он, шевеля своим дыханием волосы у нее на виске. – Вот почему я избегаю вас.

– Разве это не веская причина, чтобы как раз-таки не избегать человека? – неуверенно спросила Абигайль. Вейн был так близко, что она могла чувствовать запах его мыла для бритья и свежий аромат, напомнивший ей согретый солнцем луг. Это было влечение, мощное, примитивное и безрассудное.

Его пронзила дрожь.

– Не в данном случае. – Абигайль заставила себя открыть глаза. Его лицо все еще оставалось напряженным, но глаза потемнели от желания. Он медленно поднял руку, словно хотел коснуться ее щеки, но в последнее мгновение передумал, позволив руке упасть.

– Тогда почему вы пришли сегодня, если решили избегать меня? – Абигайль не представляла, чего она добивается, споря с мужчиной, который откровенно признался, что при виде ее ему хочется бежать в другую сторону... пусть даже она интересуется его.

Себастьян отступил назад.

– По глупости.

Абигайль не двинулась с места.

– Вы покажете мне грот, прежде чем начнете игнорировать меня полностью?

– Нет.

– Тогда мне придется искать его самой. – Она отошла от дерева. – Вы дали мне разрешение гулять в вашем лесу. Намерены отменить его?

У Вейна был такой вид, словно ему очень хочется сказать «да».

– Нет.

– В таком случае отлично. – Абигайль шагнула к Себастьяну, с ликованием отметив, что его глаза еще больше потемнели, а дыхание участилось. Похоже, он действительно находит ее интригующей. В своей жизни она слышала достаточно сплетен, чтобы половину отметить. О Себастьяне Вейне она знала недостаточно, чтобы сделать выводы, но горькие нотки в его голосе, когда он бросил ей в лицо ходившие о нем слухи, наводили на мысль, что он скорее оклеветан, чем порочен. Ладно, она разберется с этим позже, а пока... – Я собираюсь обыскать каждый уголок в этом лесу, пока не найду грот.

– Как пожелаете, мисс Уэстон.

Абигайль взглянула на него из-под ресниц.

– Если вы больше не хотите видеть меня, вам лучше сторониться этих мест.

– Буду иметь это в виду.

– В таком случае, полагаю, это прощание, мистер Вейн. – Абигайль вытащила Майло из кустов, где тот что-то вынюхивал, и двинулась назад, пройдя так близко от Себастьяна, что их плечи чуть не соприкоснулись. Подняв глаза, она обнаружила, что угрюмое выражение исчезло с его лица. Он наблюдал за ней со смесью настороженности и зачарованности. Абигайль предпочла сосредоточиться на последнем, надеясь, что он так же беспомощен перед этим чувством, как и она. – Но надеюсь, что нет.

Она повернулась и зашагала прочь, не оглядываясь, только кровь бешено пульсировала у нее в ушах.

Глава 6

Абигайль решила, что пришло время отбросить приличия. Вернувшись домой, она отослала Майло с лакеем в комнату матери и отправилась на поиски сестры, которая оказалась в оранжерее, располагавшейся в южной части дома.

– Жаль, что ты не видела реакцию мистера Вейна, когда он сегодня встретился в маминской гостиной с миссис Хантли.

Пенелопа мигом отложила свою книгу. Абигайль показалось, что она заметила краешек альманаха, засунутого между страницами. По крайней мере, на этот раз, читая «Пятьдесят способов согрешить», Пен вела себя более осмотрительно. Мать никогда не заходила в оранжерею, утверждая, что запах цветов заставляет ее чихать.

– Почему никто не сказал мне, что он приходил с визитом?

– Едва ли это можно так назвать. – Абигайль рухнула на стул напротив Пенелопы. – Я удивилась, что он вообще явился...

– Правда? – поинтересовалась сестра с лукавым видом.

– Он приехал, только чтобы засвидетельствовать свое почтение маме и выслушать ее благодарность за спасение Майло. – Абигайль изобразила скуку. – Он едва говорил со мной. А потом появилась миссис Хантли, и, клянусь, если бы он мог выпрыгнуть из окна, думаю, он это сделал бы.

– Ну, его можно понять, – заявила Пенелопа. – Не представляю, что мама находит в этой особе. Я больше не вынесу, если она опять начнет хвастаться родством своего мужа с королевским сокольничим, почившим двести лет назад.

– Даже любопытно, до чего королевская милость может возвеличить некоторых в собственных глазах, – заметила Абигайль, заставив сестру хихикнуть. – Мне пришла в голову такая же мысль, когда мистер Вейн засобиравшись уходил, услышав о визите миссис Хантли. Но, что самое странное, так это поведение миссис Хантли, когда та вошла в комнату. Я думала, она упадет в обморок, увидев мистера Вейна.

Пенелопа села чутьточку прямее.

– Неужели?

– Пен, она выглядела так, словно у нее желудок прихватило.

– Он что-нибудь сказал ей?

Абигайль покачала головой:

– Вежливый кивок, и ничего больше. А затем кинулся к двери!

Пенелопа уставилась на нее со смесью восторга и испуга.

– Господи! Но почему? Мистер Вейн кажется совершенно нормальным... немного замкнутый, конечно, и просто сражен тобой, но в остальном ничего исключительного.

– Он вовсе не сражен мной, – возразила Абигайль. – Скорее наоборот. Сегодня он признался, что избегает меня.

– Потому что ему хочется швырнуть тебя на землю и овладеть тобой, не сходя с места. Абигайль почувствовала, что ее щеки загорелись.

– Какая чушь!

Пенелопа резко выпрямилась.

– Ты равнодушна к нему! Я так и знала! О, Эбби...

– Если ты кому-нибудь скажешь, я приведу маму прямо туда, где ты прячешь последний выпуск «Пятидесяти способов согрешить», – перебила ее Абигайль. Но сестра только ухмыльнулась в ответ. – Кстати, если уж зашла речь об альманахе, предполагалось, что я буду читать его первая.

– Бери. Он просто восхитительный. – Пенелопа вытащила запретное издание из книги, где она его прятала, и бросила сестре. – Так какие порочные мысли ты вынашиваешь насчет загадочного мистера Вейна?

Абигайль сунула книжку в карман.

– Скорее любопытные, чем порочные. Он такой интригующий, Пен...

– Мрачные брюнеты всегда интригуют, – согласилась ее сестра.

– Но, по его словам, он неподходящая компания для меня, и скоро я узнаю почему. Пока, однако, я ничего не узнала. Ни одна из маминых посетительниц даже не упоминает имени мистера Вейна. Все, что у нас есть, это шок, который испытала при виде него миссис Хантли, и поведение миссис Дрисколл в книжном магазине, которое не назовешь вежливым. Хоть убей, не понимаю, что все это значит. – Абигайль не стала упоминать о безумии и убийстве, о которых говорил мистер Вейн, чтобы не приводить сестру в еще большее возбуждение.

– И ты хочешь, чтобы я помогла тебе узнать больше, – догадалась Пенелопа.

Абигайль кивнула.

– Поможешь?

– Конечно! – воскликнула ее сестра. Было поразительно, как один лишь намек на романтическую историю вернул ей хорошее настроение. – Нужно расспросить леди Саманту. Она не какая-нибудь надутая матрона, которая будет делать вид, что ничем не пахнет, даже если наступит на тухлое яйцо.

– Когда мы ее снова увидим?

– Послезавтра, если погода не испортится. Неужели ты забыла о пикнике?

– Ах да. – Губы Абигайль иронически изогнулись. Миссис Уэстон планировала устроить пикник на реке, чтобы пригласить леди Саманту Леннокс. Отцу Пенелопы и Абигайль так хотелось, чтобы его девочки подружились с дочерьми графа, что он дал жене карт-бланш на организацию развлечений когда угодно и где угодно, при условии, что на них будут присутствовать сестры Леннокс. К счастью, Абигайль искренне нравилась леди Саманта. – Это очень удачно.

Себастьян отнесся к предупреждению Абигайль Уэстон со всей серьезностью. Она сказала, чтобы он держался в стороне от леса, и он так и сделал. Выйдя на следующий день на прогулку, он, как обычно, направился к лесу, но не стал углубляться в чащу, двинувшись в обход, по опушке. Борис, который привык резвиться среди деревьев, преследуя мелких зверушек, скулил и лаял на хозяина, прежде чем умчаться в лес в одиночку. Себастьян заставил себя не смотреть вслед собаке, которая скрылась в конце извилистой тропинки, ведущей в Харт-Хаус. Маловероятно, что он снова столкнется с Абигайль Уэстон, но в последнее время ему не слишком везет.

Вздохнув, Себастьян зашагал дальше. Когда-то он воспринял бы подобные слова как вызов. Он нашел бы тысячу причин, чтобы слоняться вокруг Харт-Хауса, делая все возможное, чтобы случайно оказаться на пути девушки. Он отвечал бы на ее улыбки и беспечный смех шутками и собственным весельем. Он пригласил бы ее на прогулку по благоуханной аллее, которая, казалось, создана для поцелуев украдкой. Возможно, он показал бы ей и грот, где можно похитить у сговорчивой подружки не только целомудренный поцелуй.

Последнее определенно входило в их с Бенедиктом Ленноксом намерения, когда они разыскивали грот. Не изначально, конечно. Когда они слышали рассказы о старом гроте, женщины еще не занимали их мысли. Им было лет по девять-десять, и они считали, что это будет отличное убежище от порки, наставников и прочих неприятностей. Старую леди Бертон позабавила серьезность, с которой мальчики изложили свою просьбу разрешить заняться поисками грота в ее владениях, но она дала им свое согласие, и в течение десяти последую-

щих лет они облазили лес вдоль и поперек. С годами их планы насчет грота менялись: от тайного убежища до места хранения всевозможных запретных вещей и соблазнения деревенских девиц. Поскольку они так и не нашли грот, все эти планы остались воздушными замками.

Но затем Себастьян обнаружил его, буквально провалившись сквозь заросли, скрывавшие ступеньки, ведущие к входу. Он рассказал бы о своей находке Бенедикту, если бы они не поссорились накануне. Себастьян так и не понял, почему они спорили с такой запальчивостью. Конечно, он знал, что Бенедикт завидует ему – а кто бы не завидовал? – но Бенедикт был наследником графа, и ему запрещалось подвергать свою жизнь опасности. В тот последний вечер Бенедикт пребывал в скверном настроении, и это спровоцировало ссору. Они чуть не подрались, прежде чем Бен выскочил из комнаты.

Оглядываясь назад, Себастьян полагал, что причиной ссоры стало жгучее желание Бенедикта тоже купить офицерский патент, что позволило бы ему уехать из дома. Он понимал друга и даже сочувствовал ему. Лорд Стрэтфорд был суровым и требовательным отцом, и Бенедикт долгие годы мечтал вырваться из-под его тяжелой руки. Себастьян надеялся, что к тому времени, когда война закончится, эта старая ссора будет забыта, но вышло иначе. Когда он вернулся из армии, все изменилось, и детская дружба превратилась в далекое воспоминание.

Вейн добрался до неглубокого оврага в склоне холма, который плавно спускался к реке, и остановился, глядя вниз. Отсюда он мог видеть Стрэтфорд-Корт – массивное тюдоровское здание на противоположном берегу, где вырос Бенедикт. В вечернем свете его красный кирпич казался черным, а окна блестели, как ртуть, отражая лучи заходящего солнца. Фонарь, зажженный здесь, был виден из окон спален, располагавшихся на втором этаже в северном крыле дома. В детстве Себастьян довольно часто делал это, подавая Бенедикту сигнал.

На щеках Вейна заиграли желваки. Это было в другой жизни! До того как француз прострелил ему колено, а его отец лишился рассудка. До того как Себастьян вернулся с войны и обнаружил, что отец, с каждым днем все глубже погружаясь в безумие, продал две трети Монтроуз-Хилла за жалкие гроши – главным образом графу Стрэтфорду, отцу Бенедикта. Вынужденный подняться с постели вопреки указаниям доктора, Себастьян попытался исправить нанесенный ущерб – только для того, чтобы перед его носом захлопнулись все двери в городе. Люди шептались, что Майкл Вейн одержим демонами, и требовали немедленной уплаты всех его долгов. Они настороженно наблюдали за его сыном, словно опасались, что он тоже сбросит одежду и станет носиться голым по городу, нападая на прохожих. Люди, которых Себастьян знал всю свою жизнь, вдруг при виде его начали переходить на другую сторону улицы. Люди, которым он доверял и которых уважал, отказывались принимать его в своих домах.

Затем отец исчез, и это только ухудшило ситуацию. Поговаривали, будто Себастьян спровадил отца в могилу, – непростительный грех независимо от того, как далеко зашло безумие Майкла Вейна.

В этом последнем событии заключалась жесточайшая ирония. Отец исчез, но мертвым его никто не видел. Пропавший человек не мог быть признан недееспособным. Это означало, что Себастьян не имеет оснований оспорить продажу земли в суде. Пропавший человек – не то же самое, что покойник, а следовательно, Себастьян не мог даже унаследовать оставшуюся собственность и начать приводить поместье в порядок. Пока его отец числился в пропавших без вести, он оставался банкротом, не имея права продать Монтроуз-Хилл и с трудом поддерживая его на плаву. В минуты отчаяния Себастьян думал, что если бы он и вправду решил убить своего отца, то не выбрал бы способ, который предельно осложнил его жизнь. По сравнению с этим слухи, что он вор, по крайней мере, имели смысл, хотя и были столь же несправедливыми.

Порой Себастьяну казалось, что он предпочел бы тоже сойти с ума. Возможно, тогда он не ощущал бы свои потери так остро.

Вейн повернулся и двинулся дальше вверх по склону холма. Путь вниз был ему заказан – эта земля, когда-то составлявшая часть его поместья, теперь принадлежала графу Стрэтфорду. Исходя из записей, его отец продал лучшую часть земли, порядка восьмидесяти акров, тянущихся вдоль живописного берега реки, за пятьдесят фунтов. Адвокат, который оформлял этот дар – трудно было назвать это сделкой, – встретил Себастьяна с извиняющимся видом, но был убедителен: Майкл Вейн сам настоял на продаже земли и был доволен ценой. Тогда еще никто не знал, что он помешался. Адвокат ничего не мог поделать. Себастьяну еще повезло, что у него хоть что-то осталось.

Когда Вейн взобрался выше, внизу показался Харт-Хаус. В наступающих сумерках белое здание мягко светилось, словно драгоценный жемчуг в оправе из зеленых роц и лужаек. В отличие от Монтроуз-Хилла в Харт-Хаусе не было недостатка средств. Это факт особенно бросился в глаза Себастьяну во время его неудачного визита накануне. Чувствовалось, что Уэстоны денег не считают. Им не приходилось экономить на всем, чтобы поддерживать остатки респектабельности. Абигайль Уэстон не представляла, что делает, кружа вокруг него, как пчела над цветком, не понимающая, что цветок ядовитый. Должно быть, она нафантазировала насчет него что-то безумно романтическое. Ничем иным ее интерес не объяснишь. Что ж, он пытался предостеречь ее. Вот только...

Его взгляд скользнул в сторону леса. Она сказала, что намерена обыскать каждый уголок в поисках грота. Возможно, она действительно имела это в виду. Грот находился неподалеку от благоуханной аллеи, хотя и был надежно укрыт густой растительностью. Себастьян представил себе, как Абигайль пробирается через буйные заросли, загораживающие вход, падает и скатывается по ступенькам, разбив голову или растянув лодыжку. Проклятие, ему придется проверять этот чертов грот каждый день, чтобы убедиться, что она не лежит внизу, с синяками и царапинами на нежной коже и выражением боли в ее потрясающих глазах! А если он собирается это делать...

Из-за деревьев, весело виляя хвостом, выскочил Борис и подбежал к хозяину, ткнув носом в его руку. Себастьян почесал его за ушами, гадая, не встретил ли пес в лесу Абигайль Уэстон. Какая ирония, что его собака может встречаться с ней, а он – нет.

– Какой же я идиот, – сказал он Борису. Тот прислонился к его здоровой ноге и даже заскулил от блаженства, когда пальцы Себастьяна зарылись в шерсть на его затылке. Другой рукой Себастьян вытащил из кармана своей куртки несколько помятую брошюру. На обложке красовалось название «Пятьдесят способов согрешить», напечатанное простым шрифтом. Брошюра выглядела так уныло, словно была политическим трактатом. Если бы мисс Уэстон не покраснела так очаровательно, когда миссис Дрисколл принесла ее заказ, Себастьян не удостоил бы книжонку второго взгляда. А когда мисс Уэстон попыталась сумкой прикрыть обложку, он был так заинтригован, что купил брошюру для себя. Скорее всего, это какая-то нравоучительная история, предположил он, или, возможно, руководство для юных особ, как избегать распутных джентльменов.

К его удивлению, это оказался эротический рассказ, где подробно описывалось свидание двух незнакомых людей в полной темноте. К сожалению, эта сцена возникла перед его мысленным взором с поразительной живостью – с Абигайль Уэстон в главной роли, самозабвенно отдававшей ему. Образ был настолько реальным, что Себастьяну пришлось прибегнуть к известному способу, чтобы удовлетворить яростную потребность тела. Одной мысли о Абигайль, читающей эту же книгу, хватило, чтобы его член снова затвердел. Себастьян измучился, гадая, что она испытывала, читая эту возбуждающую историю. Ужас? Тревогу? Смущение? А может... любопытство? Или даже желание? В конце концов, она ее купила... И она ищет его общества.

Проблема заключалась в том, что, хотя Себастьян знал, что ему следует избегать Аби-гайль Уэстон, он не был уверен, что сможет долго продержаться.

Глава 7

Абигайль полагала, что никто не может быть более разговорчивой, чем ее сестра, Пенелопа, но убедилась, что ошибается. На пикнике, который устроила ее мать, среди гостей оказалась девушка по имени Люси Уолгрейв, о которой быстро стало ясно, что она редкая болтушка. Казалось, Люси почти так же одержима Себастьяном Вейном, как сама Абигайль, но в несколько ином ключе.

– Вы знакомы со своим соседом, Себастьяном Вейном? – осведомилась мисс Уолгрейв, сверкая глазами. Для юных дам накрыли отдельный стол, чуть в стороне от гостей постарше. – Полагаю, вы слышали, что о нем говорят?

– Люси, – негромко одернула подругу леди Саманта.

Та похлопала ее по руке.

– Знаю, но они живут так близко! И рано или поздно услышат все сплетни. – Леди Саманта с обеспокоенным видом отвернулась, а Люси выжидающе посмотрела на Пенелопу.

– Э... немного, – отозвалась та, бросив беглый взгляд на Абигайль. – Моя сестра беседовала с ним, а также моя мама и брат.

– Только один раз, да и то недолго, – добавила Абигайль.

Люси нетерпеливо подалась вперед:

– Это больше, чем могут сказать многие! Я прожила здесь шесть лет и только дважды столкнулась с ним. Люди называют его Мизантропом из Монтроуз-Хилла. Он почти ни с кем не общается, только бродит по своим владениям с огромной черной собакой. Никто не видел эту собаку до исчезновения его отца, и некоторые думают, что это оборотень.

– Оборотень? – переспросила шокированная Пенелопа. – Но это смешно!

Люси небрежно взмахнула рукой:

– О, я не верю в подобные глупости. Скорее всего, это просто совпадение. И все же в мистере Вейне есть что-то пугающее, вы не находите? Он был бы красивым, если бы не казался таким мрачным. Он никогда не улыбается, по крайней мере, этого никто не видел.

– Я видела, – мягко возразила леди Саманта.

– Ах да. – Люси изобразила неискреннее раскаяние. – Я всегда забываю, что ты знала его раньше, – сказала она, выделив последнее слово.

– Раньше чего? – спросила Пенелопа, задав вопрос, который вертелся на языке Абигайль.

– До войны. – Леди Саманта побледнела, но ее голос звучал ровно. – Когда-то он был очень жизнерадостным и достойным молодым человеком, но его ранили при Ватерлоо... и после этого все сложилось довольно скверно для него.

– Его отец сошел с ума, – сообщила Люси с таким видом, словно поверяла жуткий секрет. – Он бегал голым по улицам Ричмонда, выкрикивая проклятия и утверждая, что за ним гонится дьявол. Он набрасывался на людей, и его пришлось связать, чтобы он не убил кого-нибудь.

Абигайль обменялась с сестрой взглядами. Пенелопа выглядела такой же удивленной, как она себя чувствовала. Значит, это не было преувеличением.

– Это поэтому некоторые люди в городе, кажется, чураются младшего мистера Вейна?

– Отчасти, – сказала Люси. – Когда Себастьян Вейн только вернулся с войны, он тоже выглядел немного безумным. Угрожал людям, а потом его отец исчез... – Она покачала головой, хотя и без тени сочувствия. – В общем, казалось, он пошел по стопам своего отца. Миссис Фэрфакс клянется, что ее охватил озноб, когда он однажды прошел мимо нее!

– Миссис Фэрфакс постоянно воображает, что у нее озноб, – заметила леди Саманта. – Люси, ты несправедлива.

– Все, что я сказала, чистая правда, – возразила мисс Уолгрейв. – Я даже не упомянула самые скандальные слухи.

– Только потому, что здесь я, – сухо отозвалась леди Саманта, прежде чем повернуться к Абигайль и Пенелопе. – Когда-то мистер Вейн был другом моего брата и часто бывал в Стрэтфорд-Корте. Это было очень давно, около десяти лет назад, но мне все еще неприятно слышать, когда о нем плохо отзываются.

– В таком случае что из этого правда? – Абигайль не стала упускать шанс задать свои вопросы. – Чего только я не слышала: безумие, разорение, воровство... – Она помедлила, колеблясь, но Пенелопа кивнула, поощрив ее к продолжению. – Даже убийство отца.

– Вот видишь, – сказала Люси. – Они бы все равно все узнали.

Глаза леди Саманты сверкнули.

– Это ложь, что Себастьян убил своего отца! Старый мистер Вейн плохо чувствовал себя, но его сын никогда не причинил бы ему вреда. Он окружил его заботой, когда вернулся. Худшее произошло, когда он был в армии. – Она выдавила улыбку. – Уверена, вам нечего бояться этого человека.

– Я не боюсь, – сказала Абигайль. – Просто я была шокирована, наблюдая, как вежливого и прилично одетого джентльмена чуть не выставили на улицу здесь, в Ричмонде.

Люси подалась вперед:

– Вы видели его в городе?

– В книжном магазине, – ответила Пенелопа. – Мне он показался таинственным и интригующим, хотя в его поведении не было ничего необычного.

– И тем не менее миссис Дрисколл чуть ли не грубила, разговаривая с ним, – добавила Абигайль. – Это поразительно, учитывая, что он был с ней предельно вежлив.

Люси кивнула со знающим видом.

– Когда у Безумного Майкла – так прозвали в городе старого мистера Вейна, – когда у него случился очередной припадок, он сорвал с себя одежду прямо посреди Ричмонда и набросился на миссис Дрисколл с криками, что она невеста самого дьявола и пытается завлечь его в ад. Потребовались усилия трех мужчин, чтобы оттащить мистера Вейна, и она была довольно сильно избита. Неудивительно, что теперь миссис Дрисколл избегает и его сына на всякий случай.

На этот раз взгляд, которым Пенелопа одарила сестру, был не просто потрясенным, но и немного испуганным, но Абигайль проигнорировала его.

– Действительно, можно испугаться, – согласилась она. – Но наверняка молодой мистер Вейн не имеет к этому отношения?

– О, это было до того, как он вернулся с войны.

Пенелопа нахмурилась.

– Тогда зачем избегать его и держаться с ним так холодно?

Люси бросила взгляд на леди Саманту:

– Мистер Себастьян Вейн не был таким сдержанным, когда только вернулся домой. Он угрожал избить сэра Ричарда Арнольда и чуть не подрался с другими джентльменами.

– Из-за чего?

Люси снова умолкла, колеблясь. Ответила леди Саманта:

– Старый мистер Вейн продал большую часть своей земли. Его сын был неприятно поражен, когда вернулся домой. – Казалось, она собирается сказать что-то еще, но, выдержав паузу, продолжила, тщательно подбирая слова: – Полагаю, любой человек испытывал бы то же самое, не говоря уже о тяжело раненном, который, вернувшись домой, застал своего отца в таком удручающем состоянии.

Это вписывалось в картину, сложившуюся в голове Абигайль. Мистер Вейн-младший был далеко не в состоянии помешать своему отцу навредить кому-либо или продать свою

землю. Вернуться домой раненым и обнаружить, что отец сошел с ума, а состояние вдруг исчезло... Это может вывести из себя кого угодно.

Леди Саманта отодвинула свой стул.

– Прошу извинить меня. Мне нужно немного размяться после этого великолепного обеда.

– Составить вам компанию? – Абигайль начала вставать, но леди Саманта покачала головой.

– Нет, я вернусь через пару минут. Я никогда не пропускаю десерт. – Она двинулась по лужайке по направлению к дому.

Как только она оказалась вне пределов слышимости, Люси подалась вперед.

– Теперь, когда Саманта ушла, я могу рассказать вам все остальное, что я слышала о Себастьяне Вейне. – Желудок Абигайль сжался от дурных предчувствий. – Саманта не желает слушать о нем ничего плохого, но в их семье она одна такая. Мистер Вейн был желанным гостем в Стрэтфорд-Корте, но теперь его имя там под запретом. Это правда, что старый мистер Вейн продал почти всю свою собственность, практически разорив имение. Многие подозревают, что его сын разделался с ним, чтобы положить этому конец, пока не пропало оставшееся имущество.

– А что на самом деле произошло со старшим мистером Вейном? – спросила Абигайль.

– Никто не знает! – Люси скорбно кивнула в ответ на удивленный взгляд Абигайль. – Он исчез. Тело так и не нашли, но в доме никого не было, кроме экономки, ее мужа и сына мистера Вейна, кто мог бы пролить свет на его исчезновение. Сын пытался объявить его мертвым, но без тела... – Она пожала плечами. – Нет ничего проще, чем столкнуть человека в реку.

– Но зачем?

– Чтобы избавиться от безумца, конечно, и вступить в наследство. – Люси скорчила гримаску. – Наверное, это ужасно – иметь сумасшедшего в семье.

– Если смерть отца не доказана, сын не может получить наследство, – заметила Абигайль.

Люси на секунду задумалась.

– Полагаю, это так. Возможно, поэтому мистер Вейн решился на воровство.

– Что? – воскликнула Пенелопа.

Их гостя кивнула:

– Вскоре после исчезновения его отца из Стрэтфорд-Корта исчезла большая сумма, а за несколько недель до этого люди слышали, как Себастьян Вейн громко ссорился с лордом Стрэтфордом, угрожая, что «заставит графа заплатить». Это его собственные слова. А потом пропали деньги...

Абигайль нахмурилась:

– Мистера Вейна арестовали?

Люси вытянула шею, посмотрев в сторону, где скрылась леди Саманта, и еще больше понизила голос:

– Нет, не арестовали благодаря Саманте. Вы слышали, как она сказала, что мистер Вейн был другом ее брата? Чего она не сказала, так это того, что мистер Вейн был безумно влюблен в нее до войны и всех неприятностей в его семье. Саманта тоже любила его, но это держалось в секрете, потому что она была слишком молода. К тому же мистер Вейн всего лишь сквайр, тогда как ее отец – граф. В общем, говорят, когда он вернулся домой, он отправился в Стрэтфорд-Корт и попросил – нет, потребовал – ее руки. Ее приданое решило бы все его проблемы, понимаете? Но лорд Стрэтфорд отказал по очевидным причинам. Вот почему они так ожесточенно поссорились. Это поставило Вейна в безвыходное положение. Он отчаянно нуждался в деньгах и поэтому украл несколько тысяч гиней у графа. Его не

взяли под стражу, – добавила Люси, когда Пенелопа открыла рот, чтобы спросить, – только потому, что лорд Атертон, который когда-то был другом Вейна, убедил своего отца не делать этого ради Саманты.

Абигайль смотрела на нее с явным сомнением.

– Мне кажется, очень трудно вломиться в дом, украсть крупную сумму и сбежать, не будучи пойманным, и все это с искалеченным коленом.

Люси сделала жест, отменяя это возражение.

– Мистер Вейн так часто там бывал, что отлично знал, как пробраться внутрь и найти то, что ему нужно. По-моему, он вполне мог это сделать.

– Если он украл столько денег, – поинтересовалась Пенелопа, – то почему по-прежнему бедствует?

– Не знаю, – воскликнула Люси. – Может, он и не бедствует, просто делает вид. Если бы мистер Вейн вдруг разбогател, это добавило бы слухам достоверности, не так ли? А может, он просто слишком расчетлив, чтобы сорить деньгами. В конце концов, он мог зарыть их в собственном саду и откапывать по несколько гиней, когда понадобится.

Пенелопа по-прежнему не выглядела убежденной.

– Граф Стрэтфорд, должно быть, очень любящий отец, если согласился закрыть глаза на такую потерю и позволить вору свободно разгуливать по тем же улицам, что его дочь.

– Все считают, что это дело рук Вейна, – заявила Люси, словно защищаясь. – Никто не предоставляет ему кредит. Не думаю, что он способен еще кого-нибудь убить, но вор никогда не перестанет воровать. И я точно знаю, что с тех пор лорд Атертон не разговаривает с Себастьяном Вейном. Насколько я слышала, они серьезно поругались из-за романа мистера Вейна с леди Самантой. Лорд Стрэтфорд – важная персона в этих краях, и его благосклонность много значит. В его семье запрещено даже упоминать имя Вейна.

Абигайль откашлялась.

– Леди Саманта только что произнесла его имя, и она довольно добра к нему.

Люси одарила ее снисходительным взглядом:

– Разве не очевидно? Она до сих пор влюблена в него! Полагаю, он тоже все еще влюблен в нее, вот почему нигде и не бывает. Представляете, как это жестоко – жить рядом с предметом твоего обожания и знать, что тебе не суждено обладать им! И Саманте, конечно, тоже запрещено видаться и разговаривать с ним. Наверное, поэтому бедняжка так и не вышла замуж, хотя она старше меня, самое меньшее, на год.

Последовало короткое гробовое молчание.

– Как мелодраматично, – сказала наконец Пенелопа.

Люси печально вздохнула, покачав головой:

– Не правда ли? А она прелестная девушка и такая милая в обращении. Тяжело слышать, что эти скандальные и трагические истории связаны с ее именем.

– Но не настолько тяжело, чтобы пересказывать их, – пробормотала Пенелопа себе под нос, вскочив на ноги. К счастью, их гостя, похоже, не слышала ее слов. – Хватит этих мрачных разговоров. Мисс Уолгрейв, вы не хотели бы увидеть благоуханную аллею?

Люси выглядела несколько уязвленной, что больше не удастся блеснуть осведомленностью.

– Не хотелось бы доставлять вам беспокойство...

– Это вовсе не беспокойство, – возразила Пенелопа с любезной улыбкой. – Пойдемте, вам очень понравится. Мой брат утверждает, что никогда не видел более романтического места.

Мисс Уолгрейв оживилась.

– Правда? Пожалуй, тогда мне стоит пойти с вами, – сказала она, взяв свою шаль.

Абигайль бросила на сестру благодарный взгляд, догадываясь, что Пенелопа уводит гостью, чтобы дать ей возможность спокойно переварить эти шокирующие сведения. Та только улыбнулась в ответ и подхватила мисс Уолгрейв под руку, продолжая бессовестно лгать об интересе Джейми к благоуханной аллее, о которой тот никогда не упоминал. Он получит по заслугам, если Пенелопа нацелит на него каждую девушку в городе. Джейми упорно отказывался посещать приемы, которые устраивала миссис Уэстон, что почему-то сделало его только более привлекательным в глазах местных незамужних леди.

Но, похоже, у мистера Вейна другая причина, чтобы игнорировать приглашения на светские сборища. Убийство, воровство и разбитое сердце, прости господи! Неужели он настолько влюблен в леди Саманту, что после стольких лет не в силах даже видеть ее? Абигайль попыталась рассмотреть этот вопрос аналитически, подавив всякое предубеждение. Возможно, решила она, хотя и маловероятно. Если для мистера Вейна невыносима сама мысль о том, чтобы столкнуться с леди Самантой на улице, с его стороны было бы разумнее продать свой дом и поселиться в другом месте. Непохоже, что у него много друзей в Ричмонде, что удерживало бы его здесь. Семь лет – слишком долгий срок, чтобы жить, отгородившись от общества. Даже с учетом ее страстной, как она полагала, натуры, Абигайль не могла представить, чтобы безответная любовь служила достаточной пищей для ее души в течение целого года, не говоря уже о семи.

Остальные обвинения выглядели гораздо серьезнее. Неужели мистер Вейн мог убить своего отца? Абигайль не хотелось верить этому. Возможно, это был несчастный случай... Она не знала, что думать об украденных деньгах, но заметила, что, рассказывая об этом, мисс Уолгрейв исходила скорее из предположений, чем фактов. С этой историей не все ясно, но нет ничего хуже, чем обвинять человека на основании слухов, особенно если их распространяет такая заядлая сплетница, как мисс Уолгрейв. Абигайль вспомнила, как мистер Вейн с яростью упомянул об этих обвинениях в разговоре с ней. Только человек с холодной, как лед, кровью и железными нервами мог говорить о своих преступлениях в подобном тоне.

Она встала и не спеша направилась к дому. Даже если мисс Уолгрейв преувеличивает, поведение леди Саманты заставляло думать, что в этой истории есть крупинка правды. Леди Саманта действительно бледнела при каждом упоминании о мистере Вейне. Она защищала его, когда каждый из присутствующих, казалось, был только рад поводу позлословить о нем. И потом, что мог значить взгляд, который леди Терли бросила на свою сестру, когда Пенелопа впервые упомянула имя мистера Вейна на балу? Это было сочувствие, словно леди Терли опасалась за душевный покой леди Саманты. На мгновение Абигайль пожалела, что не видела леди Саманту и мистера Вейна вместе, чтобы оценить их взаимную привязанность, но затем решила, что, пожалуй, ей этого видеть не хочется.

Она так погрузилась в свои мысли, что чуть не прошла мимо леди Саманты, стоявшей на самом краю террасы, спиной к реке. Вдали, за крышей Харт-Хауса и кронами деревьев, ясно виднелся Монтроуз-Хилл. В мягком солнечном свете его старинный кирпич казался нежно-розовым, а ровные ряды окон, увитые плющом, карабкавшимся по стенам, сверкали, как расплавленное серебро. Отсюда особняк выглядел изящным и уютным, как и полагается английскому дому.

Не успела Абигайль выдать свое присутствие, как леди Саманта оторвалась от созерцания вида и двинулась дальше, к месту пикника. Заметив Абигайль, она остановилась и улыбнулась, слегка смущенная.

– Мисс Уэстон, я даже не сознавала, что Монтроуз-Хилл так близко от Харт-Хауса.

– Не так уж и близко. Мой отец был там с визитом и сказал, что до Монтроуз-Хилла около двух миль.

– Вот как. Я рада, что ваш отец посетил мистера Вейна. – Леди Саманта прикусила губу. – Полагаю, вы заметили, что Люси имеет склонность...

– Немного злословить, пересказывая скандальные истории?

– Да. – Глаза девушки потемнели. – Я предпочла бы, чтобы она не повторяла все шокирующие сведения, которые слышит.

– Это непорядочно, – согласилась Абигайль. – Каковы бы ни были семейные драмы мистера Вейна, ужасно шептаться за его спиной об убийстве.

– Он был очень достойным молодым человеком. И скорее всего, оставался бы таким, если бы только... – Леди Саманта замолкла, а затем продолжила с вынужденной улыбкой: – Если бы только праздные соседи, подобные нам, перестали болтать о нем! Я не лучше Люси, не так ли?

– Вы добрее к мистеру Вейну, – тихо сказала Абигайль. – И поскольку вы с ним когда-то были знакомы, я доверяю вашим словам гораздо больше, чем словам мисс Уолгрейв.

Леди Саманта помедлила, колеблясь.

– Я познакомилась с мистером Вейном очень давно, – сказала она наконец. – Вряд ли я могу утверждать, что знаю мужчину, которым он стал теперь, так что мне не следует говорить о нем так, будто я его знаю. Возможно, вы составите о нем совсем другое мнение.

– Возможно, – согласилась Абигайль.

Во всяком случае, она попытается.

Глава 8

На следующий день Абигайль пошла на кухню и попросила приготовить ей корзинку с едой. Она надела свое любимое прогулочное платье, придававшее ее глазам голубоватый оттенок, и простую соломенную шляпку. С собой она взяла книжку, которую купила позавчера в городе. Когда мать остановила ее на террасе и спросила, куда она собралась, Абигайль ответила с невинным видом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.